Тьма между нами

Автор:
Джон Маррс

Тьма между нами

Джон Маррс

Альфа-триллер

Вы когда-нибудь злились на родителей за то, что они бесцеремонно лезут в ваши дела? Или думали, что помогаете своим детям, хотя на самом деле портили им жизнь? Вот к чему это иногда приводит…

Кажется, расплата Мэгги – ужасна. Кажется, ее вина перед дочерью Ниной – ужасна вдвойне. Тьма пролегла между ними. Каждые два дня женщины ужинают вместе. А потом дочь отводит Мэгги на чердак, в «воронье гнездо», и приковывает цепью к полу. Это – возмездие. Мать сделала то, чего дочь ей никогда не простит. Ни-ко-гда. Пусть до смерти гниет в этой темной каморке с глухими стенами и небьющимися окнами, с тяжелой цепью на лодыжке. Столь велика ненависть дочери.

Но есть то, чего Нина не знает. И мать никогда не расскажет ей – даже ценой своей жизни. Ведь в их доме правда опаснее лжи…

Джон Маррс

Тьма между нами

John Marrs

WHAT LIES BETWEEN US

Text copyright © 2020 by John Marrs. All rights reserved. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Школа перевода В. Баканова

© Карпова К.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Четверть века Джон Маррс работал независимым журналистом, чьи материалы, интервью со знаменитостями из мира телевидения, кино и музыки публиковали известнейшие издания: «Guardian», «Empire», «The Independent», «Q». Сейчас он профессиональный писатель, автор триллеров-бестселлеров «The one. Единственный», «Пассажиры», «Добрая самаритянка», «Когда ты исчез», «Добро пожаловать куда угодно».

Роман «The one. Единственный» переведен на 20 языков и экранизирован «NETFLIX».

* * *

Невозможно было расстаться с этой книгой. Мрачная и закрученная, она покорила меня.

Алекс Михаэлидес, автор бестселлера «Безмолвный пациент»

«Самый зловещий из романов Маррса на сегодня».

Daily Express

«Мрачный, напряженный психологический триллер высочайшего класса».

My Weekly

«Блестящий замысел и мастерское владение искусством шокирующих поворотов».

Клэр Макгоуэн

«Я очарован этим романом, хотя, думаю, не читала ничего мрачнее. Ничего».

Сюзи Холидей

* * *

«Эта книга – чистейшее безумие, которое вылилось в невероятно динамичную историю о самых страшных качествах человеческой натуры. Маррс словно открыл портал в ад: все наихудшие проявления человека выбрались оттуда и

воплотились на страницах романа в двух героинях, противостоящих друг другу. Вспомните любой грех, и вы найдете его здесь, а после прочтения уже не сможете стать прежними».

Саша

@raccoon_demigod

«Эта мрачная и запутанная история двух женщин проникает под кожу. Автор ловко расставляет свои сети, и ты обязательно попадешь в них и не сможешь остановиться, пока не дойдешь до конца».

Юлия

@yubestiya

«Триллер об извращенной любви, разрушающей чужие жизни. На протяжении всего романа мы будто находимся на качелях, которые раскачиваются с каждой главой все сильнее и сильнее: в одной стороне – любовь и сострадание, в другой – ненависть и злоба».

Гарик

@ultraviolence_g

* * *

Посвящается Эллиоту

Ложь успевает пройти полмира, пока правда надевает обувь.

Чарльз Сперджен[1 - Чарльз Гаддон Сперджен (1834–1892) – баптистский проповедник, оказавший значительное влияние на протестантское проповедничество в целом и заслуживший прозвище «властелин

проповедников».]

Пролог

Я отказываюсь любить тебя. Отказываюсь заботиться. Отказываюсь стараться. Хватит.

Возможно, тебя это удивит, но, несмотря на твою жестокость и эгоизм, несмотря на всю ту боль, которую ты мне причинила, мне хватало сил за тобой присматривать. А теперь они иссякли. Довольно.

Теперь я церемониться не стану. Ты мне больше не нужна. И все теплые воспоминания о былом я выкидываю на свалку, потому что они давно обесценились. Бо?льшую часть времени, прожитого вместе, я мечтала о нормальных отношениях, которых у нас никогда не было. И не будет. До меня наконец дошло, что играть надо теми картами, которые сдала судьба, – других не выпадет. Поэтому я бросаю их на стол. Игра окончена.

Отныне мы просто живем под одной крышей. И ты значишь для меня не больше, чем ставни, которые скрывают все, что происходит внутри, или половицы, поскрипывающие у меня под ногами, или разделяющие нас двери.

* * *

Слишком долго я тратила свою жизнь на то, чтобы разобраться в твоих странностях, и страдала от твоих поступков, которые раз за разом словно ножом рассекали зарубцевавшиеся раны. Но хватит! Я больше не собираюсь отказываться от себя самой ради твоего счастья, потому что это дорога привела нас в ад. Слишком долго я искала твоего расположения. Слишком многим жертвовала из страха перед тобой. Когда я начинаю вспоминать упущенные возможности, мне хочется опуститься на четвереньки, уползти в дальний угол сада и сжаться в комок на голой земле, чтобы меня навсегда скрыли крапива и плющ.

Только теперь я начинаю понимать, на какую жалкую жизнь ты обрекла меня из страха остаться один на один со своим горем.

Из нашей жизни вдвоем я извлекла единственный урок: мои пороки – это твои пороки. Мы – единое целое. И когда я умру, твое пламя потухнет тоже.

В следующий раз, когда мы окажемся вместе, я бы хотела, чтобы одна из нас лежала в гробу, окоченевшая и обряженная в лохмотья, нелепо свисающие с мертвого сморщенного тела. Только тогда мы сможем разделиться. И стать самими собой. Только тогда у меня появится шанс обрести покой. И освободиться от тебя.

И если моя душа взлетит, то я обещаю, что твоя опустится на самое дно, словно камень. И больше ее никто никогда не увидит.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Мэгги

Отсюда, из своего «вороньего гнезда», я вижу всех. А меня не видит никто. Я знаю это точно, потому что сколько бы я ни махала проходящим мимо по улице соседям, ни разу ни один из них мне не ответил. Я невидима для мира. Стерта с лица земли. Меня больше не существует. Я – призрак.

Тень среди теней в темной спальне, отгороженной от света надежными ставнями. Когда на улице не горят фонари, здесь царят сумерки, даже в самые солнечные дни. Вот почему всякий раз, сходя вниз, я щурюсь, пока глаза не привыкнут к дневному свету. Поначалу, когда ставни только установили, мне казалось, будто я задыхаюсь от тесноты, отрезанная от внешнего мира. Но постепенно я к ним привыкла. Как и ко всему остальному. Жизнь научила меня приспосабливаться.

Теперь я называю свою спальню «вороньим гнездом», потому что она напоминает мне наблюдательный пост, вроде тех, что располагались на самой высокой мачте корабля и назывались именно так. Забираясь туда, моряки могли обозревать океанские просторы на многие мили вокруг.

Я вижу лишь наш тупик.

Например, сейчас я наблюдаю, как Барбара усаживает свою мать Элси в машину. Барбара всегда находит время, чтобы помочь своей старухе. Она чудесная дочь, любая мать ею гордилась бы. С недавнего времени Элси передвигается исключительно с ходунками, такими алюминиевыми, с колесиками спереди. Я помню, как она жаловалась на артрит в коленном и голеностопном суставах. Боли усиливались, и противовоспалительные препараты, которые можно было достать в аптеке без рецепта, уже не помогали. Сколько раз я уговаривала ее записаться на прием к доктору Феллоузу! А однажды даже предложила подключить свои связи в больнице, чтобы ее приняли в удобное время. Так нет же, упрямится! Считает, что обращаться к врачу можно не чаще, чем раз в год, за плановой прививкой от гриппа.

Интересно, вспоминает ли она обо мне? Спрашивает ли, почему я больше не прихожу к ней на кофе по четвергам ровно в половине четвертого? Много лет мы педантично придерживались этой традиции. Я возвращалась с работы домой, брала с полки банку с кофе (потому что тот, который заваривала она, я пить не могла – слишком уж он был горький, зато продавался во всех супермаркетах), и пару часов мы решали мировые проблемы и перемывали соседям кости. Я скучаю по той болтовне. Временами Элси посматривает на наш дом, и мне нравится думать, что она все еще обо мне помнит.

Машина Барбары выезжает со двора, катит под моим окном и уходит дальше мимо дома номер сорок вниз по улице. Агентство по аренде недвижимости, похоже, совсем про него забыло. Из моего «гнезда» хорошо просматривается задний двор. И, боже мой, что же с ним стало! Если бы предыдущий владелец, мистер Стедман, увидел, в какой свинарник превратился его прекрасный сад, то перевернулся бы в гробу. Лужайка заросла, а живая изгородь, которой он так гордился и, не жалея сил и времени, подравнивал, потеряла форму. Везде валяются пустые жестянки и упаковки из-под фастфуда. Нынешней молодежи на все наплевать – никакого уважения.

Внуку мистера Стедмана давно следовало бы продать это место. Но, возможно, не так-то легко найти покупателя на дом, где труп предыдущего владельца пролежал незамеченным несколько недель. Я единственная заподозрила неладное, когда из переполненного почтового ящика стали вываливаться газеты и шторы изо дня в день оставались закрытыми. Если б могла, сразу забила бы тревогу…

На обочине у столба электропередач припарковалась красная машина с вмятиной на переднем бампере. Это Луиза из восемнадцатого дома. Когда она выходит, я вижу по наметившемуся животику у нее под футболкой, что она снова беременна. Я рада за нее и надеюсь, что теперь ей повезет больше. В прошлый раз она не смогла выносить малыша: однажды ее увезли на «Скорой», и вернулась она уже в прежней форме, словно ничего и не было. Даже представить себе не могу, какая это мука – сообщать окружающим о такой утрате. Мне кажется, когда человек теряет то, что так стремился любить, в нем неизбежно происходит надлом.

Интересно, она все еще подрабатывает кассиршей? Давно не видела ее в униформе. Вот про мужа ее я знаю точно: он так и водит такси. Свет от фар его машины часто прорезает сумрак моей комнаты, когда он возвращается домой после ночной смены. Иногда, если мне не спится, я подхожу к окну и смотрю, как он сидит за рулем с выключенным двигателем в полной темноте. Я часто задаюсь вопросом, почему он сразу не заходит в дом. Мечтает о иной жизни – не той, что ждет его за дверью?.. Я тоже не прочь куда-нибудь мысленно унестись. Увы, как говорится, не все мечты сбываются.

Больше на улице никого, поэтому я отворачиваюсь от окна. Обстановка в моей комнате небогатая, да мне многого и не нужно: двуспальная кровать с тумбочками по бокам, две лампы, шифоньер, туалетный столик и пуф. Телевизор на стене давно не работает, но я не прошу у Нины новый: не хочу, чтобы она думала, будто мне его не хватает. К тому же так хотя бы ничто не напоминает о жизни, которая кипит снаружи и которой я теперь лишена.

Компанию мне составляют лишь книги. Однако даже этих собеседников выбираю себе не я – довольствуюсь тем, что приносит Нина. Одной книги мне хватает на пару дней. Я предпочитаю детективы и психологические триллеры – то, что обещает интригу и неожиданные повороты сюжета. Люблю давать работу своим «серым клеточкам». Однако угодить мне непросто: если я правильно угадываю, кто злодей, то история разочаровывает меня своей

предсказуемостью, а если ошибаюсь, то досадую на собственную непрозорливость.

Хорошо бы написать книгу самой. У меня много историй и еще больше секретов. Вот только вряд ли этому суждено сбыться… как и другим моим мечтам. Например, снова выйти из дома. И вина тут лежит прежде всего на мне. Не верю тем, кто говорит, будто ни о чем не жалеет. Любому есть в чем покаяться. Если б у меня была возможность вернуться в прошлое и изменить свою жизнь, я бы запрыгнула в машину времени быстрее, чем вы сможете произнести «Герберт Уэллс»[2 - Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) – великий английский писатель, известный прежде всего своими фантастическими произведениями, в т. ч. дебютным романом «Машина времени» (1895).].

Вдруг внизу щелкает замок, и до меня доносится голос. Должно быть, я пропустила возвращение Нины.

– Добрый вечер, – кричит она со второго этажа. – Есть кто дома?

– Только я, – привычно сообщаю в ответ, открывая дверь спальни, и замечаю у ее ног два набитых пакета. – Заходила в магазин?

– Ты наблюдательна.

– Как дела на работе?

– Как обычно. Приготовлю курицу по-охотничьи[3 - Под томатно-грибным соусом с добавлением вина.].

Ненавижу это блюдо.

– Отлично, – откликаюсь я. – А разве сегодня мы ужинаем вместе?

– Да, сегодня вторник.

– А мне казалось, среда… Вечно забегаю вперед.

– Когда будет готово, я за тобой поднимусь. Подожди немного.

– Хорошо.

Нина скрывается из виду, а я еще долго стою у двери и пересчитываю пигментные пятна у себя на руках. Без солнца новые не образуются – хоть какой-то плюс от заточения. Замечаю свое отражение в зеркале на туалетном столике и поправляю непослушные волосы. Они поседели так давно, что я уже не могу вспомнить, какими они были раньше. Рисую улыбку алой помадой, подкрашиваю глаза, наношу румяна – и тут же стираю; слишком уж ярко они выделяются на бледной коже, делая меня похожей на тряпичную куклу.

Вдыхаю поглубже, чтобы подготовиться к предстоящему вечеру. Когда-то мы были лучшими подругами… пока в один момент он все не разрушил. Теперь мы – лишь оставленные им руины.

Глава 2

Нина

Открываю духовку и осторожно, чтобы не обжечься паром, снимаю стеклянную крышку с миски, стоящей в самом низу. Куриные грудки уже побелели, и я протыкаю их вилкой, чтобы проверить, готово ли мясо. Мэгги не любит это блюдо, но мне-то оно нравится, а за готовку в доме отвечаю я. К тому же меня забавляет ее притворный энтузиазм.

Не раздеваясь, наскоро разбираю сумки и рассовываю покупки по шкафчикам. Мэгги больше по душе, когда все аккуратно разложено по своим местам, но я не такая. Мне хватает работы, где приходится соблюдать абсолютную чистоту и порядок. Дома я не хочу напрягаться и бросаю пакеты как придется. Мэгги вряд ли станет перекладывать их у меня за спиной.

Сегодня в супермаркете было очень людно – возможно, из-за того, что многие пришли за покупками целыми семьями. Измученные родители лихорадочно хватали продукты с полок, отбиваясь от своих отпрысков, беспрестанно дергающих их за рукав и требующих сладостей, игрушек и комиксов. Я смотрела, как матери, устав от детских капризов, вздыхали и закатывали глаза,

и думала, что они, счастливицы, даже не подозревают, как им повезло.

Мое внимание привлек годовалый малыш с копной темно-каштановых волос. Он сидел в тележке, свесив вниз пухлые ноги. На одной из них не было ботинка, тот валялся позади него на сетке с мандаринами. Малыш с любопытством смотрел по сторонам и улыбался во весь рот. Мать отлучилась ненадолго и оставила его одного. Я представила, как легко будет похитить этого милого карапуза: просто взять на руки и выйти на улицу. Когда она появилась из соседнего прохода с бутылкой кетчупа, я еле сдержалась, чтобы не сделать ей замечание.

Сегодня было много продуктов по акции и на распродаже из-за истекающего срока годности, поэтому я набрала полные сумки, которые и поднять-то оказалось сложно, не то что тащить до дома. Пришлось ловить такси, что свело на нет всю выгоду. Едва сев в машину, я поняла, что знаю водителя. Я узнала его по профилю и по разрезу глаз в отражении зеркала заднего вида. Натан Робертсон. Мы учились с ним вместе: сначала в средней школе в Эбингтон-Вейл, а потом недолго в старшей школе в Уэстон-Фэвелл. Он почти не изменился, если не считать залысин и уродливых татуировок на руках. Меня Натан не узнал, да и я не стала представляться: не хотелось всю дорогу домой вспоминать людей, с которыми давно потеряна связь, или обсуждать, как прошли двадцать четыре года с момента нашей последней встречи. К тому же я сомневалась, вспомнит ли он меня вообще. В четырнадцать лет я ушла из школы.

Когда, высадив меня, Натан отъехал, я на мгновение задержалась, чтобы взглянуть на окно, забранное ставнями, на третьем этаже. Мне прекрасно известно, что теперь бо?льшая часть жизни Мэгги сосредоточена вокруг него. Это одна из немногих ниточек, которые до сих пор связывают ее с миром. Интересно, сильно ли она страдает от нехватки общения? За ужином Мэгги всегда рассказывает, кого из соседей видела и что узнала. Но мечтает ли она снова оказаться среди них? Наблюдать – не жить, так ведь?

Я как могу забочусь о ней, однако она редко меня о чем-то просит. Даже когда ее телевизор перестал работать, она ни словом не обмолвилась, пока я сама не заметила, что давно не видела его включенным. Не успела предложить отдать его в ремонт, как она заявила, что предпочитает книги – «новости слишком удручают». Настаивать я не стала. Мне же проще. Хотя на ее месте я уже давно сошла бы с ума.

Выхожу из кухни и поднимаюсь в столовую на втором этаже, чтобы накрыть на стол. Стелю кружевную скатерть, подаренную Мэгги ее бабушкой. Всю жизнь она хранила ее «до лучших времен». Но в наши дни это неактуально, сейчас все одноразовое: и вещи, и люди. Возвращаюсь к духовке, достаю курицу, беру тарелки и бутылку «Пино-гри»[4 - Сорт винограда и белого вина.].

Раньше на месте столовой была спальня, о чем напоминает стоящий в углу комод, который у меня все никак не доходят руки передвинуть. Да и косметический ремонт не мешало бы сделать. Когда-нибудь займусь… Вообще, планировка здесь по общим меркам не совсем обычная. На первом этаже кухня с дверью в подвал, прихожая, бывшая столовая, которая теперь пустует, и туалет. На втором – две спальни, ванная, кабинет и новая столовая, уставленная книжными стеллажами (каждый том аккуратно обернут в плотную полиэтиленовую обложку). Третий этаж – переоборудованный чердак, что Мэгги называет своим домом. Там есть еще одна ванная комната, которой пользуется только она, лестничная площадка и ее спальня. Вот и всё. Мой дом. Ладно, наш. И, хотим мы этого или нет, но нам из него никуда не деться.

Поднимаюсь выше и вижу, что Мэгги стоит у окна. О чем она думает? Как коротает долгие часы одиночества?

На один кратчайший миг мне даже почти жаль ее.

Глава 3

Мэгги

В ожидании ужина я стою у окна, словно часовой, и наблюдаю за происходящим в нашем тупике. Однако, случись что, я никому не смогу сообщить, да и помочь тоже. Пользы от меня как от беззубого сторожевого пса.

Сорок лет назад, когда я сюда переехала, улица выглядела гораздо симпатичнее: жильцы следили за своими владениями, и одинаковые ухоженные домики радовали глаз. Теперь все иначе: гаражные ворота выкрашены как попало, повсюду уродливые пластиковые окна и входные двери из ПВХ, а вместо

пышных зеленых лужаек дома окружают мощеные дворы, чтобы было куда ставить вторую, а то и третью машину. В общем, не улица, а пятьдесят оттенков серого.

Из нашего конца тупика просматриваются обе стороны дороги, и свой дозор я обычно начинаю слева. Участки, расположенные там, стоят дороже, потому что их задние дворы выходят на школьную игровую площадку. Номер двадцать девять – последний дом, который я могу разглядеть, не прищуриваясь. С ним у меня связаны самые печальные воспоминания. Несколько лет назад маленький мальчик Генри, всегда такой милый и вежливый, чуть не погиб там во время пожара. Спасатели успели его вытащить, но он сильно угорел и получил серьезную травму мозга. Мать так и не смогла себе этого простить, и семья распалась. Однако я заметила, что ее муж и две их дочки, Эффи и Элис, недавно вернулись обратно. Надеюсь, теперь судьба будет к ним более благосклонна.

Дальше я перехожу к правой стороне. В соседнем доме живет Элси. Мы с ней – старожилы этой улицы. Переехали сюда с разницей в три месяца и очень быстро подружились. Она знает больше секретов об этом доме, чем Нина. Как же я скучаю по нашей болтовне!

Она весь день держит шторы открытыми, даже когда на улице темнеет, и закрывает их только перед сном. Думаю, ей стоит быть осторожнее – все-таки возраст, да и живет одна. Замечаю знакомую бело-зеленую заставку на ее большом телеэкране и догадываюсь, что она смотрит сериал «Жители Ист-Энда». Я тоже люблю мыльные оперы. Раньше мы обсуждали последние серии за чашкой кофе в четверг после обеда. Интересно, как быстро я смогу восстановить пропущенные сюжетные линии после столь длительного перерыва? Меня снова подмывает попросить Нину отремонтировать телевизор, но тогда она будет думать, что делает мне одолжение… Да, похоже, желая досадить ей, я готова идти на любые страдания.

Небольшая белая машина с люком на крыше подъезжает к дому Элси и, постояв минуту, едет дальше – наверное, адресом ошиблись.

Внезапно осознаю, что за мной наблюдают, и оборачиваюсь. Нина делает вид, будто только что вошла, но я-то чувствую правду. Мне не впервой быть объектом чужого молчаливого внимания и осуждения – привыкла не подавать виду. У нас не бывает искреннего общения. Постоянная ложь и нежелание говорить начистоту стали для нас нормой, окончательно отрубив шансы на нормальные

отношения.

– Готова спуститься? – спрашивает она.

Улыбаюсь в ответ. Она бережно берет меня за руку и помогает сойти по ступенькам. В столовой садится на свое обычное место рядом с окном во главе стола, я – через два стула от нее. Фрамуга приоткрыта, и я чувствую легкое дуновение ветра на моих волосах, от которого по шее и плечам пробегают мурашки.

На столе бутылка вина. Удивляюсь неожиданной щедрости, но Нина наливает только себе, мне не предлагает – знает, что я соглашусь, и, перехватив мой пристальный взгляд, отворачивается. Я привычно молчу и отхлебываю теплую воду из стоящего передо мной пластикового стакана.

В качестве аккомпанемента для семейного ужина она снова выбрала сборник хитов ABBA на старой пластинке, настолько заезженной, что допотопная игла то и дело перескакивает и слова песен теряются в шуме и потрескивании. Однажды я неосторожно предложила ей купить альбом на компакт-диске, чтобы нормально, без помех слушать музыку; посмотрев на меня с нескрываемым отвращением, Нина напомнила, кому когда-то принадлежала эта пластинка, и заявила, что избавиться от нее было бы «кощунством». «Мы ведь не можем менять вещи просто потому, что они стареют, так ведь?» – многозначительно добавила она.

Порядок песен помню наизусть. Раздаются вступительные аккорды SOS, и я не могу удержаться от усмешки (естественно, лишь мысленной) – юмор висельника, кажется, так это называется. Нина берет ложку и выкладывает мне в тарелку самый большой кусок курицы с дополнительной порцией овощей, щедро сдобренных соусом. Сама же обходится гораздо меньшим. После такого ужина я весь вечер буду мучиться от изжоги. Однако не жалуюсь. Благодарю ее и говорю, что пахнет очень аппетитно.

– Помочь? – спрашивает она, и я киваю в ответ.

Подойдя ко мне, нарезает мясо ножом на маленькие кубики и возвращается на свое место.

– Что интересного на работе? – спрашиваю я.

– Ничего.

– Народу много? Судя по толпе детей, играющих на улице, уже начались пасхальные каникулы.

– Все-то ты замечаешь из своего «вороньего гнезда»…

– Просто наблюдаю.

Курица наполовину сырая, но я молчу и окунаю кусочки в соус, чтобы замаскировать тошнотворный вкус.

– Сегодня с утра были дошкольники, так что пришлось попотеть, – продолжает Нина. – Некоторые родители просто сваливают на нас детей, будто мы – няньки, а сами сбегают за покупками. Суть нашей программы – читать вместе с детьми. Но есть женщины, которые тяготятся материнством, так ведь?

Кусок картофеля падает с ее вилки на стол. Она дважды пытается поддеть его, размазывая соус по тонкому светлому кружеву. Ненавижу, когда она стелет эту скатерть. Ее сшила моя бабушка незадолго до своей смерти. У нее был рак груди. Меня так и подмывает сделать Нине замечание, но я прикусываю язык и делаю вид, что ничего не произошло.

– Кстати, Луиза снова беременна, – говорю.

– Кто это?

– Луиза Торп из восемнадцатого дома. Ее муж – таксист.

– С чего ты взяла?

– У него на машине стоит желтый фонарь, такой с шашечками.

– Нет, – она мотает головой, – откуда ты знаешь, что она беременна?

– А, – выдавливаю из себя улыбку. – У нее появился животик. Еще пару недель назад его не было, а тут…

Осекаюсь, понимая, что подняла скользкую тему. К сожалению, слишком поздно.

– Когда у меня начал расти живот, ты не была столь наблюдательной, а? – спрашивает Нина, сверля меня взглядом.

– Пожалуй, – откликаюсь я и опускаю голову, делая вид, будто увлечена едой. Комнату словно пронзает ледяной ветер.

– Я и сама заметила только на шестом месяце, – вспоминает Нина. – У меня не было ни токсикоза, ни тяжести, ни усталости, ничего. Все складывалось удачно…

Еще ниже опускаю голову.

– До определенного момента, – продолжает она. – Все складывалось удачно до определенного момента.

Ее тон не предвещает ничего хорошего. Надо бы сменить тему, но я свои новости уже исчерпала.

Нина с грохотом роняет приборы на тарелку. Я вздрагиваю и молча наблюдаю, как она поднимается, достает вторую пластинку из двойного альбома и ставит песню Does Your Mother Know[5 - «Знает ли твоя мать?» (англ.)], одну из самых заводных у ABBA. Едва раздаются первые аккорды, ее лицо светлеет, и она принимается подпевать.

– Помнишь, мы всегда под нее танцевали? Брали расчески вместо микрофонов и пели. Я за мужчин, а ты за женщин, – внезапно заявляет Нина и подходит ко мне.

Я сжимаюсь, не зная, чего ожидать. Но она лишь протягивает руку.

– Прости, я уже слишком стара для этого, – пытаюсь отговориться я.

– Отказы не принимаются!

Приходится встать – просто нет выбора. Мы выходим на свободный пятачок комнаты; Нина, приплясывая, берет меня за руки и начинает вести. И не успеваю я оглянуться, как мы уже кружимся по комнате, насколько позволяет моя ограниченная подвижность, словно две идиотки. На мгновение будто вернулись наши восьмидесятые, когда мы точно так же дурачились, плясали и горланили во весь голос. И впервые за очень долгое время я ощущаю связь между нами. Как же это приятно!.. А затем вижу наше отражение в окне.

Нет, Нина давным-давно не моя малышка, а я – не ее мать.

Припев начинает сходить на нет, и вместе с ним исчезают воспоминания о прошлом. Возвращаемся за стол и продолжаем мерзкий ужин, одинаково отвратительный обеим.

Я пытаюсь завязать светскую беседу. Спрашиваю, какие у нее планы на завтра, упоминаю имена нескольких ее коллег, и к тому времени, когда она заканчивает рассказывать мне о жизни людей, которых я никогда не видела, ужин – ко взаимному облегчению – заканчивается. Я уже чувствую, как едкий желудочный сок начинает медленно подниматься вверх по горлу, и поспешно сглатываю. Сегодня полночи придется сплевывать тошнотворную слюну в стакан рядом с кроватью.

– Убрать со стола? – вежливо предлагаю я.

– Да, было бы неплохо.

Начинаю складывать тарелки и приборы.

– Отлучусь в ванную, а потом помогу тебе подняться наверх, – бросает Нина, уходя.

Я оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, действительно ли она ушла, – и поспешно делаю глоток вина прямо из бутылки. Оно оказывается сладким, как нектар. Я с наслаждением отхлебываю еще и тут же спохватываюсь – вдруг она специально оставила его, чтобы проверить меня? Не желая попасться, доливаю

в бутыль воды из чашки, а остатками смачиваю салфетку и пытаюсь оттереть жирное пятно на скатерти.

– Не трудись, – снисходительно говорит Нина, появляясь в дверях. – Постираю в машинке при высокой температуре.

– Но это же кружево. Расползется.

– Тогда выкину и куплю новую.

С большим трудом сдерживаюсь, чтобы не ввязаться в склоку.

– Готова? – спрашивает она.

Безучастно смотрю на улицу. Начало восьмого, а еще светло.

Внезапно Нина хватает меня за запястье и впивается ногтями. Я вскрикиваю от боли и разжимаю кулак. Штопор, который я успела сунуть в рукав, с лязгом падает на стол, однако Нина не отнимает руку, и ее ногти продолжают язвить мою кожу. Сжимаю зубы, стараясь не показать, как мне больно. В конце концов она ослабляет хватку и отпускает руку.

– Собиралась положить его вместе с грязными тарелками, – пытаюсь оправдаться я.

– Не стоило так себя утруждать. Сама уберу, – говорит она и кладет штопор в задний карман.

Ее тон смягчается, будто этого недоразумения и не бывало.

– Пойдем наверх.

Глава 4

Нина

Провожаю Мэгги наверх. Она медленно, шажок за шажком, поднимается по лестнице. Наблюдаю, как напрягаются мышцы жилистых рук, когда она хватается за перила, помогая себе преодолеть ступеньки. За два последних года Мэгги заметно сдала и теперь уже не так уверенно стоит на ногах, как раньше, будто боится, что, двигаясь быстрее, потеряет равновесие и упадет. Но я здесь, рядом, у нее за спиной, чтобы подхватить ее в любой момент, если это случится.

Взрослея, большинство из нас смиряется с тем, что рано или поздно придется осознать свою беспомощность перед временем и просто наблюдать за угасанием родителей. Я – не исключение. Несмотря на все, что произошло между нами, мне тяжело принять неизбежный факт, что однажды ее не станет. Иногда я стою с закрытыми глазами у подножия лестницы, ведущей к ней на чердак, и слушаю, как она ходит по спальне и читает вслух, – возможно, это помогает ей заполнить мучительную пустоту в комнате.

Однажды я сказала ей, что еще на этом свете она превратилась в привидение, блуждающее по дому. Ответом был смех и обещание всегда, даже из могилы, следить за мной. Ответ не без злорадства, но, как ни странно, ее слова принесли успокоение. Уж лучше жить в доме с мстительным духом, чем одной. Одиночество пугает меня больше всего на свете.

Мы добираемся до верхнего этажа, и Мэгги сворачивает налево, в ванную. Дверь там до конца не закрывается, однако она несколько раз пытается плотно пригнать ее, видимо, забыв, что ничего не получится. Сажусь на верхнюю ступеньку и слушаю, как течет вода из крана. Она набирает ванну, как всегда по вторникам. Четкий распорядок защищает нас от неприятных неожиданностей. Однако временами Мэгги совершает глупости и отклоняется от сценария – например, как сегодня, попытавшись украсть штопор. В такие моменты у меня опускаются руки – мы словно топчемся на месте или даже делаем шаг вперед и два назад.

Вернувшись домой, я включила погружной нагреватель – естественно, не на полную мощность, а только чтобы немного подогреть воду. Содержание дома и так бьет по карману, а доходов, кроме моей зарплаты и ее пенсии, нет. Государственное пособие на отопление закончилось еще несколько недель назад – январь и февраль выдались на редкость холодными. После Пасхи

наступит лето, и отопление можно будет почти не включать.

– Я принесла тебе новую книгу.

За дверью слышится громыхание – Мэгги залезает в ванну и отвечает:

– Спасибо.

– Оставлю у тебя в спальне.

Спускаюсь на второй этаж и возвращаюсь с книгой. На обложке – контур тела, какие полицейские обычно рисуют мелом на месте преступления. Почему ей нравится такое мрачное чтиво? Что откликается в ее черной душе?

Кладу книгу на прикроватную тумбочку и подхожу к окну. На улице никого. За окнами у соседей мерцают телеэкраны. Интересно, что там сейчас идет. Наверное, сериалы. Когда я была маленькой, мы вечерами обязательно включали «Улицу Коронации» или «Жителей Ист-Энда». Мы – это я и мама, конечно. Папа в это время читал газеты или проектировал здания у себя в кабинете.

Из соседнего дома выходит Луиза и забирает что-то из багажника. В свете фонаря замечаю округлившийся живот – мама права: она явно беременна. Машинально обхватываю себя, словно во мне тоже зреет новая жизнь, но, конечно, это не так. Это невозможно. Мое чрево – никому не нужный сломанный механизм, где не достает важных деталей. Я отдаю себе в этом отчет, однако тоска не утихает.

В небе горит оранжево-лиловый закат. Хорошо, что темнеет все позже. Я откладывала пособие по уходу за больной матерью и недавно порадовала себя: купила садовый стол и четыре стула, сделанные из чего-то под названием «ротанг»[6 - Стебли определенного вида пальм.]. Скоро их должны привезти. Конечно, можно было бы сэкономить и взять комплект поменьше – гости к нам все равно не ходят, – но один стул смотрелся бы слишком сиротливо.

На мгновение я представляю, как мы с Мэгги, словно нормальная семья, ужинаем в саду теплым летним вечером… И сразу одергиваю себя: после того,

что произошло сегодня со штопором, об этом даже думать не стоит. Слишком опасно.

Судя по часам, она в ванне уже пятнадцать минут; вода, должно быть, совсем остыла. Направляюсь к двери и замечаю ее очки для чтения на прикроватной тумбе. Рядом с ними что-то блестит; приходится подойти, чтобы присмотреться. Так и есть: снова ее глупости. Под футляром для очков спрятана пружина из матраса. Если б кончик не торчал наружу, я бы в жизни не заметила – хитро придумано. Я довольна своей проницательностью, но расстроена очередным актом неповиновения. Что ж, придется отомстить. Скошенным концом пружины откручиваю крошечный винтик, которым одна из дужек прикреплена к оправе, кладу и то, и другое себе в карман, а очки аккуратно возвращаю на место.

– Ты закончила? – спрашиваю я из-за двери.

– Надеваю ночнушку, – отвечает Мэгги, и я снова слышу громыхание металла.

Через минуту она появляется в коридоре, чистая и сияющая. Я провожаю ее в спальню. Она шаркает к окну.

– Подними ногу, – прошу я, и, привычная к установленному порядку, Мэгги повинуется.

Достаю ключ из кармана и открываю замок, сковывающий колодки у нее на щиколотке. Цепь с тяжелым стуком падает на пол. Меняю ее на другую, более короткую, и снова поворачиваю ключ. Ей нельзя покидать спальню.

– Я почистила твое ведро, – напоследок сообщаю я, оглядываясь в угол комнаты, где стоит синяя пластиковая бадья с рулоном туалетной бумаги. – Увидимся через пару дней.

Вечером надо будет приготовить ей завтрак и обед и оставить у двери. С ужином разберусь, когда приду с работы, – подождет.

Запираю ее на замок и останавливаюсь у лестницы с закрытыми глазами. В этот момент я сама себе противна. В письме Шарлотты Бронте, одной из моих любимых писательниц, я прочла такие слова: «С врагами я сама справлюсь, но

избавь меня, Боже, от друзей»[7 - Фраза, часто (безосновательно) приписываемая Вольтеру. Речь идет о знаменитом гневном письме Бронте критику и писателю Дж. Г. Льюису, состоящем из одной этой фразы.]. Интересно, относится ли это к членам семьи…

ЧАСТЬ II

Глава 5

Нина

Автобус номер семь довез меня до станции, на которой раньше был рыбный рынок Нортхэмптона. Старое здание снесли и на его месте выстроили уродливую громадину из кирпича и стекла. Однако до сих пор, стоит мне вдохнуть поглубже, кажется, будто я чувствую резкий запах морепродуктов, навсегда застрявший между прошлым и настоящим.

Прохожу через пустую рыночную площадь, мощенную грубым булыжником. Подумать только: раньше это унылое серое пространство было сердцем города… Три дня в неделю здесь бурлила жизнь и продавалась всякая всячина вроде дешевой одежды, тканей, кормов для животных, музыкальных записей, овощей и фруктов. А теперь даже в самые оживленные дни лотки с товарами не занимают и половины площади.

Не спеша направляюсь к библиотеке – до начала смены еще четверть часа, так что можно не торопиться. Спускаюсь по истертым каменным ступеням, по которым за полуторавековую историю здания прошаркала не одна тысяча ног. Прежде чем приняться за работу, надо зайти в подвал, в служебное помещение, чтобы бросить пальто и сумку. Снова прикладываю пропуск, толкаю тяжелую дверь, миную коридор и привычно желаю коллегам доброго утра.

Внизу уже все в сборе: двенадцать человек, не считая меня, – кто-то моложе, кто-то старше. Как ни странно, люди до сих пор считают, что в библиотеках

работают лишь тихие тетушки в очках, с тугими пучками на затылках, в старомодных кофтах и удобных туфлях на плоском ходу. Сидя за массивными столами, они ругают посетителей за шум и штрафуют за нарушение сроков возврата. А если каким-то чудом среди них и попадаются мужчины, то лишь унылые, лишенные чувства юмора бородатые девственники в вельветовых куртках и клетчатых рубашках, до сих пор живущие с родителями.

Естественно, все это полная чушь. Да, на работе мы говорим тихо и обожаем книги. Но это вовсе не значит, что у нас в жизни больше ничего нет.

Как всегда в начале рабочей недели, мы делимся новостями. Даниэла показывает свежие синяки над грудью – следы неудачного приземления на подвесной канатной дороге в парке развлечений. Стив, забежав на пять минут, хвастается очередной татуировкой на предплечье; правда, из-за плотного слоя вазелина и намотанной сверху пищевой пленки разглядеть рисунок не представляется никакой возможности. Тем не менее, я говорю, что получилось здорово. Джоанна играет в рок-группе, а Пит, хотя ему хорошо за пятьдесят, увлекается йогой.

Когда Дженна интересуется моими выходными, я отвечаю, что провела их с мамой – та требует постоянного присмотра. Дженна сочувственно улыбается, словно понимает, о чем я. Хотя куда уж ей…

Многие из нас отработали здесь не один год. Мы часто шутим, что из тюрьмы за непредумышленное убийство выпускают быстрее. С одними коллегами я приятельствую, с другими просто здороваюсь, но ни с кем не враждую. Мэгги как-то поинтересовалась, не чувствую ли я себя одинокой без друзей-сверстников. Да, поначалу это меня сильно тяготило, однако жизнь, к счастью, умеет преподносить приятные сюрпризы. И я способна хранить их в тайне.

За единственным исключением, я никого не подпускаю к себе слишком близко. Если не хочешь страдать от разочарований, не стоит заводить привязанностей. Предательство – самая обыденная вещь: обычно его совершают без всякого злого умысла, просто потому что подвернулась более заманчивая возможность. На собственном горьком опыте я убедилась, что полагаться нельзя даже на самых близких.

Мы приступаем к работе, появляются первые посетители. Подъезжает фургон с новыми поступлениями. Стив прикатывает тележку с коробками: книги надо распаковать, наклеить штрих-коды, отсканировать и занести в каталог, незарезервированные издания – отложить. Я вызываюсь расставить их по полкам.

У нас тысячи книг, сотни стеллажей, и я знаю их все как свои пять пальцев – успела изучить за восемнадцать лет. Хотя с того момента, как я сюда устроилась, библиотечное дело здорово изменилось, я всегда шла в ногу со временем и даже получила несколько повышений. Я к ним не стремилась и уж тем более их не выпрашивала – они случались сами собой. У меня нет амбиций. Нет, я не оправдываюсь; я действительно не из тех, кому интересна карьера.

Аккуратно, бережно и строго по алфавиту расставляю новые книги на соответствующие полки, немного даже сама удивляясь собственной скрупулезности: ведь вскоре посетители начнут копаться в них, словно на последней в мире гаражной распродаже.

На тележке осталась одна книга, поэтому я направляюсь к секции «Войны и история Британии», куда если и заглядывают редкие посетители, то исключительно накануне годовщин крупных битв. Достаю из кармана канцелярский нож, выдвигаю лезвие, вырезаю страницу с магнитной биркой и прячу книгу в другой карман. Одно из преимуществ моей работы состоит в том, что я могу отбирать самые интересные новинки. Этот экземпляр я заберу сегодня после смены домой. Просто положу в сумочку и пронесу через турникет – даже сигнализацию отключать не придется.

Естественно, я могу, как и остальные, взять любую книгу по абонементу, но мне не нравится возвращать то, что оказалось у меня в руках. Раз уж что-то попало ко мне в дом, оно должно там остаться. Не думайте, я не из тех сумасшедших, кого показывают по телевизору, – живущих, словно кроты, в квартирах, заваленных горами мусора. Вот у Мэгги, кстати, есть склонность к такому накопительству. Пока пару лет назад я не расчистила подвал, он напоминал свалку. Однако ее книги, даже давно прочитанные, у меня не поднимается рука выбросить. Так что они навсегда останутся на полках в моем доме и будут медленно желтеть и пылиться, забытые и никому больше не интересные.

* * *

В животе урчит. Часы над стойкой показывают время обеда. По пути в подвал я замечаю пожилую женщину с пенсионерской клетчатой сумкой на колесиках. Даже на расстоянии ощущаю исходящий от нее резкий старческий запах; от него во рту остается неприятный горький привкус. Приходится даже на несколько секунд задержать дыхание. Старушка сидит одна за столом – видимо, другие посетители тоже не в восторге от такого соседства.

У нее седые всклокоченные волосы до плеч, мутные голубые глаза и грубая, обветренная кожа. Одежда грязная и затасканная. Не знаю имени старушки, но вижу ее здесь регулярно, особенно зимой, когда она забивается в глубину зала и греется там у чугунных батарей. Снимает шарф, носки, туфли и раскладывает их поверху, чтобы сберечь хотя бы немного тепла, когда настанет время возвращаться на неумолимый уличный холод. Берет обычно самые слезливые и душещипательные любовные романы, читает запоем, по несколько за раз, – видимо, пытаясь запастись наряду с теплом и чужим счастьем.

Достаю из шкафчика нехитрый обед – сосиску в тесте, красное яблоко, бутерброд с ветчиной и сыром, банку лимонада, – упаковываю все в пакет, возвращаюсь наверх и кладу на стол рядом со старухой. Когда до нее доходит суть происходящего, она поднимает на меня благодарный взгляд, и на секунду – клянусь – мне кажется, будто я вижу Мэгги. Ничего не говоря и не дожидаясь благодарности, отхожу.

– Не стоит подкармливать голубей. Они разносят заразу, – замечает Стив, когда я прохожу мимо. Он видел, что я сделала.

– Не могу смотреть на чужие страдания, – отвечаю я и выхожу на улицу, чтобы купить себе обед.

Не представляю, какие потери довели эту женщину до такой жизни. Зато точно знаю, каково это, когда мир вдруг слетает с привычной оси.

Глава 6

Нина

Двадцать пять лет назад

Тяжелые учебники громыхают об пол, когда я скидываю с плеча школьную сумку. Стаскиваю уродливые черные туфли, заталкиваю их в шкаф под лестницей и мчусь наверх в спальню, чтобы переодеться в треники и футболку. Может, школьная форма и приучает мелких к порядку, но подросткам-то она точно ни к чему.

– Привет! – кричу я, сбегая вниз.

Ответа нет.

Странно: входная дверь была не заперта, да и мама никогда не задерживается в больнице дольше половины третьего. Ей, видите ли, не хочется, чтобы я возвращалась в пустой дом, как когда-то приходилось ей. От моих протестов, что мне уже почти четырнадцать и я не спалю все дотла, если пару часов посижу одна дома, она лишь отмахивается.

Беру пульт и включаю детский канал, чтобы не так скучно было делать домашку: программы там, конечно, для мелюзги, но как фоновый шум сойдет. Папа уверен, что это только мешает и не дает сосредоточиться. Я не согласна. Девочки, в отличие от мальчиков, способны выполнять несколько задач одновременно. Научный факт! Сама прочитала в журнале для подростков. Там врать не станут. К тому же мне сегодня надо лишь дописать сочинение о сестрах Бронте, а я их обожаю. Хотя истории про девочку-детектива Мелори Тауэрс и подростковые романы Джуди Блюм мне нравятся не меньше. До начала «Соседей» точно успею, а если повезет и папа задержится на работе, то еще и «Домой и в путь» посмотрю – он ненавидит австралийские сериалы.

Обычно к этому времени всегда приходит мама, чтобы спросить, как прошел день, а я бормочу односложные ответы и прошу не мешать. Однако сегодня ее почему-то нет. Меня начинает одолевать любопытство, и я отправляюсь на поиски. Ее нет ни на кухне, ни на втором этаже, ни на недавно отремонтированном чердаке. Кстати, помимо чердака, мы недавно переоборудовали подвал, не став, как остальные соседи, возводить оранжерею. Папа говорит, что такая переделка гораздо выгоднее и при продаже дома в ближайшие несколько лет все затраты с лихвой окупятся. Я прошу его устроить мне там спальню; он пока не поддается, но я своего добьюсь. Как всегда.

Выглядываю из окна в сад и наконец замечаю маму. Она стоит у бельевой веревки с полотенцем в руках и не двигается, словно видеокассету поставили на паузу. Я стучу ей, однако она не оглядывается и даже не вздрагивает. Странно.

Когда я спускаюсь в кухню, она уже там. Глаза у нее красные и опухшие, как у меня весной во время цветения трав.

– Ты не слышала, как я вернулась?

Она улыбается в ответ, но без обычной теплоты, вымученно, через силу – как я, когда получаю на день рождения или Рождество дурацкие подарки.

– Всё в порядке? – спрашиваю и тут же понимаю, что вряд ли хочу получить честный ответ.

– Подожди минутку, сейчас закончу с бельем и вернусь, – говорит мама с деланым спокойствием, таким же фальшивым, как и ее улыбка.

Она ведет себя странно, и мне это не нравится.

Я наблюдаю, как мама развешивает на веревке полотенца, кухонные тряпки, пушистые коврики из туалета и ванной. И это вся ее стирка? Меня одолевает тревога. Наконец мама возвращается и подзывает меня к себе на кухню. Усаживает за стол, опускается рядом, достает платок из рукава и вытирает глаза.

– Мне кое-что надо тебе сказать, – начинает она. – Это касается твоего отца.

У меня внутри все холодеет, и к горлу подступает тошнота. Я так быстро зажимаю ладонью рот, что сводит губы. Теперь понятно… На прошлое Рождество миссис Пек вызвала Сару Коллинз к себе в кабинет с урока географии и сообщила, что ее отец попал в аварию на мотоцикле. Так Сара и сидела там, пока мама не приехала и не забрала ее домой. Теперь она наполовину сирота.

Папа – это мой мир, я не хочу – не могу! – жить без него.

– Он умер?

Мама качает головой. Значит, есть надежда.

– Нет. Боюсь, мы больше не будем жить вместе, – говорит она и кладет руку мне на плечо. Даже через футболку я ощущаю ее холод. – Когда ты была в школе, он сказал, что уходит от нас.

– Почему?

Слезы наворачиваются у меня на глаза, а голос дрожит.

– В последнее время мы плохо ладили.

– Но зачем ему уезжать?

– Он считает, что так будет лучше.

– И где он собирается жить?

– В Хаддерсфилде.

– Где?

– В двух часах езды отсюда.

– Когда я его увижу?

– Не знаю. Думаю, не скоро. Он оставил адрес, по которому можно писать.

– Не собираюсь я ему писать! Хочу его видеть, сейчас же!

Мама крепко сжимает мою руку. Я понимаю, что, возможно, она лишь желает меня успокоить, но отчего-то это пугает меня еще больше.

– Вы разведетесь? Родители Марка Ферна разошлись, и теперь он живет с мамой, а отца видит только по выходным. Это несправедливо…

– Знаю, дорогая, знаю.

Мама не может сдержать слез и плачет вместе со мной. Ее рука снова тянется к моей, но я отдергиваю ее, прежде чем она успевает меня коснуться.

– Это несправедливо! – кричу я. – Почему он не дождался меня и не сказал все лично?

– Наверное, побоялся, что не справится.

– Я хочу жить с ним!

Мама вздрагивает, ее глаза темнеют – она явно не ожидала от меня такого удара, а мне хочется нанести его в ответ на ту боль, которую она мне причинила.

– Ты сможешь пожить с ним во время каникул, когда он обустроится на новом месте.

Мой взгляд падает на стол, и я понимаю, что он накрыт на двоих. Не на троих, как раньше! Меня захлестывает гнев, и одним рывком я смахиваю на пол всю посуду и приборы. Они грохочут и разлетаются на осколки. Теперь мама выглядит напуганной.

– Ненавижу тебя! Ненавижу! – кричу я, чтобы хоть как-то выплеснуть боль. – Зачем ты его отпустила? Это ты виновата!

Выбегаю из комнаты и слышу ее шаги у себя за спиной. Не дожидаясь, пока она меня догонит, взлетаю по лестнице и захлопываю за собой дверь в спальню. Падаю на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, разражаюсь слезами.

Она поднимается ко мне лишь через час и стучит перед тем, как войти. Я демонстративно отворачиваюсь, делая вид, что мне совершенно нет дела ни до нее, ни до приготовленного ею ароматного куриного пирога с подливкой. Слежу

в зеркале, как мама ставит поднос на стол и поворачивается, чтобы уйти, не сказав ни слова.

– Почему? – не выдерживаю я. – Ведь вы никогда не ссорились, все делали вместе, казались по-настоящему счастливыми…

– Казаться – не значит быть. Вырастешь – сама поймешь. Можно прожить с человеком годы и искренне любить его, но так никогда по-настоящему и не узнать.

Все это пустые фразы. Я чувствую, что она недоговаривает.

– Почему ты не боролась? Ради меня!

– Ничего, мы вместе, и у нас есть наш дом. Наша жизнь останется такой же, как прежде, я обещаю.

– Нет! Без папы все будет не так!

Мама открывает рот, чтобы возразить, но мне надоело ее слушать. Я закрываю глаза и не говорю больше ни слова, пока она не уходит. Потом беру со стола блокнот и пишу папе письмо, требуя, чтобы он немедленно вернулся домой или хотя бы позвонил. Я знаю, он меня послушает, ведь я его «единственная девочка». Сколько себя помню, он всегда меня так называл. Он не оставит свою «малышку» одну.

Вечером мама надписывает конверт, наклеивает марку и обещает опустить письмо в почтовый ящик утром по дороге на работу. Если папа не позвонит завтра, я напишу ему еще раз. Пусть знает, что еще не поздно передумать и вернуться. Уверена, мама примет его без колебаний.

Когда я ложусь в кровать, мама приходит снова, опускается рядом, обнимает меня, и мы тихо плачем вместе. Последнее, что я помню перед тем, как заснуть, – она целует меня в макушку и просит ее простить.

– Пожалуйста, не надо ненавидеть меня, – шепчет она.

– Не буду, – обещаю я.

Что бы я ни наговорила ей в сердцах, я не могу ее ненавидеть. Она же моя мама.

Глава 7

Мэгги

Я не знаю, во сколько просыпаюсь, потому что еще несколько месяцев назад Нина лишила меня возможности следить за временем: забрала старые наручные часы и массивный хронометр в виде золотой кареты, когда-то принадлежавший моей матери, а потом перешедший мне по наследству (к слову, моей сестре Дженнифер достались фарфоровые статуэтки). Он стоял у меня в спальне на комоде, а однажды вечером, когда я вернулась из ванны, просто исчез, и Нина даже не потрудилась дать объяснение.

Встаю не сразу. Ночь выдалась утомительной. Привычное вечернее чтение из единственного удовольствия превратилось в муку: одной рукой приходилось держать книгу, а другой – прижимать сломанные очки. Пружина, которую я достала из матраса, исчезла с прикроватной тумбочки, и я корила себя за неосмотрительность: надо было лучше прятать. Наверняка Нина решила наказать меня за своеволие, лишив последней оставшейся радости – чтения.

Не спасает даже снотворное. Раньше, приняв таблетку, я сразу отключалась, однако с годами организм привык, и теперь этот препарат на меня не действует. К тому же, как минимум два раза за ночь я встаю, чтобы помочиться в ведро в углу, и уснуть потом – большая удача.

Когда я сажусь, цепь, прикованная к щиколотке, гремит о половицы. Железо ударяется о голень, и я не могу сдержать проклятия. На ногах, пестреющих разноцветными гематомами, появится очередной свежий синяк. Чертовы кандалы! Конечно, за годы я к ним привыкла, но все равно иногда забываюсь.

Потирая ушибленное место, медленно перекидываю обе ноги через край кровати и ощущаю пальцами ног прохладный деревянный пол. Шаркаю к окну, чтобы

заступить на свой наблюдательный пост. Уж лучше жить в «вороньем гнезде» и обозревать окрестности с высоты, чем гнить в подвале, как червь под землей.

В первый же день, когда я здесь проснулась, Нина сообщила, что стекло ударопрочное и звуконепроницаемое. Будто я могла добраться до него через плотные ставни. Сколько я ни старалась, ни стул, ни лампа не оставили на их поверхности ни одной царапины.

Встаю, чтобы привести себя в порядок. Протираю лицо и тело влажными салфетками из полупустой пачки. После вчерашней ванны от кожи до сих пор пахнет апельсинами; ненавижу цитрусовые запахи, но они лучше, чем ничего. Снимаю ночнушку и достаю из шкафа розово-красное платье в цветочек. Трусы не ношу, равно как колготки и брюки, – цепь не позволяет. Вся моя нынешняя одежда либо натягивается через голову, либо обертывается вокруг талии. Меж тем в шкафу полно старых нарядов, которыми теперь интересуется моль, а не я. Уверена, Нина оставила их как едкое напоминание о прошлом, вместе с туфлями на каблуках, шалями, перчатками и пальто.

Сейчас в моем гардеробе семь комплектов, по одному на каждый день недели. В пятницу я оставляю аккуратную стопку грязного белья за дверью и через день получаю его обратно, выстиранное и выглаженное. Всё как в отеле. Только съехать нельзя.

На стене под самым потолком висит фотография моего мужа Алистера, наклеенная прямо на обои. Он улыбается в камеру. Когда я впервые здесь оказалась, не могла отделаться от ощущения, будто он за мной следит. Ненавижу такую назойливость. И его самого ненавижу. Однако длина цепи не позволяет добраться до фотокарточки. В первый же день я плеснула в нее апельсиновым соком, но она лишь немного пожелтела, приобретя оттенок сепии, словно была сделана сто лет назад. Собственно, в памяти наш брак ощущается столь же далеким…

Накрываю стульчак полотенцем, чтобы приглушить запах вчерашних нечистот. Нина опорожняет ведро раз в два дня, я уже привыкла. Как-то в самом начале я разозлилась и попыталась выплеснуть содержимое на нее. Но запнулась о цепь, потеряла равновесие и залила пол. Нина хохотала до слез, а потом заявила, что ночевать мне придется с этой лужей – тряпку и моющее средство она принесла лишь на следующий день.

Раньше она оставляла мне баллончик с освежителем воздуха, пока однажды я не попыталась ослепить ее, распылив едкую струю прямо в глаза. В последний момент ей чудом удалось увернуться. Теперь она приносит мне освежители воздуха для автомобилей – естественно, с запахом апельсинов.

У нее есть две цепи разной длины, чтобы все время держать меня на привязи. Я не знаю точно, из какого металла они сделаны, но он явно очень прочный: я много раз пыталась сломать или разбить звенья – все впустую. Цепь крепится к ободу, закрепленному у меня на лодыжке с помощью висячего замка, словно со средневековых гравюр. Единственный ключ Нина всегда держит при себе.

Дневная цепь крепится к металлическому стержню в центре комнаты, который, скорее всего, прикручен к балке под половицами. Ее длины хватает как раз, чтобы дойти до окна у одной стены и до двери у другой. Замок в спальню Нина не запирает. Знает, что выйти я все равно не смогу.

Вторую цепь она использует, только когда мы вместе ужинаем. С ней я могу спуститься вниз, миновать лестничную площадку второго этажа и дойти до столовой, а также дважды в неделю принимать ванну у себя на чердаке. До следующего пролета и первого этажа ее длины не хватает.

Открываю дверь. На коврике лежит новая книга и два пластиковых контейнера с едой.

– Доставка в номер, – бормочу себе под нос.

В маленьком контейнере – завтрак: два давно остывших тоста с маслом, консервированные фрукты и абрикосовый йогурт; в большом – зеленый банан, бутерброд с ветчиной и сыром, мандарин и пачка сырных крекеров. Столовых приборов нет – впрочем, как всегда. Я сажусь на кровать и приступаю к своей нехитрой трапезе: сначала съедаю тост, потом пальцами вылавливаю фрукты из банки и выпиваю йогурт. Скудный обед придется растягивать на целый день, ужин будет не скоро.

Чем дольше я торчу у этого проклятого окна, тем больше напоминаю сама себе героя Джеймса Стюарта, прикованного к инвалидной коляске, из фильма Хичкока «Окно во двор». Как и он, я вынуждена проводить дни, шпионя за своими соседями. Только вот он стал свидетелем убийства, а я умираю сама,

медленно и мучительно. И об этом никто не знает. Кроме моей дочери.

«Когда между нами все пошло не так?» – спрашиваю я себя.

Ответ мне не нужен. Я его знаю и в напоминании не нуждаюсь.

Достаю новую книгу – «Комната» Эммы Донохью. Судя по аннотации на суперобложке, в ней идет речь о матери и сыне, запертых вместе в одной комнате. Знакомый сарказм. Нина любит этот сюжет и время от времени подкидывает мне книги о тех, кого долго удерживали против их воли или запирали в замкнутом пространстве. Например, биографии Анны Франк[8 - Аннелиз Мария Франк (1929–1945) – еврейская девочка, скрывавшаяся с семьей от нацистов в Амстердаме в специально оборудованном убежище на территории жилого дома и фиксировавшая тамошнюю жизнь в дневнике, опубликованном после Второй мировой войны.], Терри Уэйта[9 - Теренс Харди Уэйт (р. 1939) – английский гуманитарный миссионер и благотворитель, проведший 1987–1991 гг. в плену у исламских террористов.], Джона Пола Гетти-третьего[10 - Джон Пол Гетти-третий (1956–2011) – внук нефтяного магната Ж. П. Гетти, похищенный в 1973 г. с целью выкупа.] и Нельсона Манделы[11 - Нельсон Холилала Мандела (1918–2013) – южноафриканский политик, президент ЮАР в 1994–1995 гг., лауреат Нобелевской премии мира; 1962–1990 гг. провел в тюрьмах за борьбу против расистского режима апартеида.]. Обычно сразу понимаешь, когда в новой книге рассказывается о способах побега – в ней не хватает страниц.

Когда я подхожу к кровати, неожиданно замечаю под ней какой-то предмет. Показалось с недосыпу?.. Наклоняюсь и сразу узнаю деревянную памятную шкатулку, которую Алистер сделал Нине больше тридцати лет назад и даже написал ее имя на крышке золотыми буквами.

Беру ее в руки и чувствую, как внутри перекатывается содержимое. Когда она здесь очутилась? Я миллион раз обыскивала эту комнату вдоль и поперек, ища способ сбежать, и не заметить ее не могла. Должно быть, Нина подложила ее сюда, когда я принимала ванну. Но где она ее выкопала? Я не видела ее много лет. Наверное, там же, где и остальные обломки прошлого, – в подвале…

У меня сжимается сердце. Там, внутри, то, о чем я предпочла бы забыть. Думаю, Нина об этом догадывается, поэтому и принесла ее сюда. Петли тихонько

скрипят, когда я открываю крышку, и первое, что бросается мне в глаза, – напоминание о том, как Нина впервые разбила мне сердце.

Глава 8

Мэгги

Двадцать пять лет назад

Я сижу на краю дивана, уставившись в пустоту. Телевизор включен, но он молчит: последняя ночная программа уже закончилась, сменившись объявлениями о распродажах. Нажимаю на кнопку и вновь принимаюсь грызть ногти и кожу вокруг них. Знаю, привычка отвратительная, однако ничего не могу поделать. Я совсем теряю контроль над собой – на губах ощущается металлический привкус крови.

В комнате темно, поэтому сквозь оконное стекло видно дорогу. Замечаю у дальних фонарей какое-то движение, вскакиваю на ноги и прижимаюсь к стеклу. Но это не Нина.

Часы на каминной полке показывают начало третьего, а дочери-подростка все еще нет дома. Она где-то там, в темноте, и я понятия не имею, где именно. Полиция не станет ее искать, пока не пройдет двадцать четыре часа. С того момента, когда я видела ее в последний раз – она поднималась к себе в спальню, – минуло всего шесть. Сбежала. Хотя женщина-полицейский говорила со мной с сочувствием, в глубине души я знала, что она меня осуждает. И я ее не виню. Сама себя осуждаю.

С самого начала это был ужасный день, день, полный лжи. Мне позвонили из банка, в котором у Алистера был оформлен кредит, а потом из компании, на которую он работал, с требованием вернуть аванс. Я пыталась втолковать всем, что не видела его уже несколько месяцев и не отвечаю за его действия, но позже в Бюро консультации населения мне сообщили, что с юридической точки зрения эти паразиты имеют полное право меня трясти.

Внезапно к дому подъезжает машина. Бегу к двери и вижу, как из нее выходит незнакомец и вытаскивает с заднего сиденья Нину. Она не стоит на ногах, и он оставляет ее валяться на дороге, словно мусорный мешок.

– Что ты с ней сделал, мерзавец?! – кричу, бросаясь навстречу.

Он пожимает плечами.

– Спокойно. Она просто напилась.

– Ей всего четырнадцать!

– Тогда держи ее дома! – кричит другой мужик, сидящий на месте водителя, заводит машину, и они уезжают.

От Нины несет алкоголем, сигаретами и рвотой. Я наклоняюсь, чтобы поднять и отвести ее в дом, пока соседи не заметили.

– Отвали, – бормочет она, пытаясь меня оттолкнуть.

– Пойдем, Нина. Нельзя же лежать здесь всю ночь.

– Не указывай мне, что делать, – возмущается она, однако противиться не может. В конце концов мне удается поднять ее, и мы медленно бредем к двери.

В кухне она кулем валится на табуретку и с глухим стуком роняет голову на стол. Облегчение от того, что дочь вернулась, перевешивает ярость. Но что теперь? Как говорить с этой новой Ниной, так непохожей на мою маленькую девочку? Мне хотелось бы убедить себя в том, что сегодняшнее происшествие – случайный срыв… Увы. В последнее время она стала совершенно неуправляемой, и я совершенно бессильна. Ругань, доводы, мольбы и слезы не помогают.

Я сдерживаюсь, чтобы не накричать на нее – все равно она мало что сейчас соображает и наутро ничего не вспомнит. Беру стакан, наливаю холодной воды и ставлю перед ней. Отталкивает.

– Выпей – завтра с похмелья легче будет, – советую я.

– У меня похмелья не бывает.

– Так дальше продолжаться не может. Это несправедливо по отношению к нам обеим.

– Я буду делать что хочу. Ты меня не остановишь.

– Ты еще недостаточно взрослая… для подобного времяпрепровождения. Это может плохо кончиться.

– Я развлекалась в городе с друзьями.

– Где? В барах?

Ее молчание красноречивее всякого ответа.

– Это противозаконно, Нина. И опасно! Кто привез тебя домой?

Она пожимает плечами.

– Ты вообще их знаешь? Как их зовут?

– Они сказали, что подвезут меня, если я им отсосу.

От неожиданности я отступаю назад, она разражается смехом. Я молюсь, чтобы это оказалось лишь грубой шуткой, сказанной, чтобы позлить меня. Но, похоже, это правда.

– Да не психуй, – снисходительно бросает Нина, заметив мою отвисшую челюсть.

– Кто эти твари? Как их зовут?

Она пожимает плечами.

– Какая разница?

– Ты еще совсем ребенок!

– Мне четырнадцать. В этом возрасте все так себя ведут. И к тому же я предохраняюсь.

– Что?

– Прошу надеть «резинку»… Как правило.

Она смотрит на меня в упор, а потом вновь начинает смеяться.

– А ты думала, я все еще девственница?

Мне словно пощечину влепили. Как я могла быть такой слепой? Почему не замечала того, что происходит у меня под носом? Причина этой ужасной трансформации, превращения Нины из умной, милой и чуткой девочки в злобного пьяного подростка, мне совершенно ясна даже без психологов. Во всем виноват ее отец и связанная с ним мерзкая тайна, которую я никогда не смогу ей открыть, ибо мой долг – оберегать ее. И пусть плата высока, ради нашего с ней спокойствия я должна защитить дочь от этого знания. Защитить любой ценой.

Нина изменилась почти сразу после исчезновения Алистера: сначала укоротила школьные юбки, потом без разрешения проколола уши. Учителя стали жаловаться, что она не выполняет домашнее задание, прогуливает занятия и издевается над теми, кто младше. Я оправдывала ее выходки переходным возрастом, но сама себе не верила.

Когда в первый раз Нина вернулась после девяти вечера, я посадила ее под домашний арест. В ответ она послала меня подальше. Через неделю все повторилось. На любые угрозы Нина лишь смеялась мне в лицо. О том, что она тайком сбегает ночью из дома, я узнала, когда ее привезли домой на полицейской машине две недели назад. Она с друзьями пила сидр возле магазина в соседнем округе. Я стала замечать засосы у нее на шее и на груди, но убеждала себя, что ими все и ограничивается. Она ведь еще слишком маленькая.

И теперь я узнаю?, что она ублажает каких-то уродов в машине! Во мне закипает ярость. Надо заставить их заплатить за то, что они сделали с моей девочкой. Она и так много страдала, а теперь еще и стала легкой добычей для извращенцев…

Смотрю на нее, пытаясь понять, как быть дальше.

– Пойдем наверх.

Она отмахивается от меня, как от мухи. А когда я снова приближаюсь к ней, пытается влепить мне пощечину. Но промахивается.

Через пару минут сама поднимается на ноги. Я достаю из-под раковины старое синее ведро и следую за ней. Она, спотыкаясь и держась за перила, тащится по лестнице. Как только ее голова касается подушки, засыпает. Я перекатываю ее на бок, чтобы она не задохнулась, если ее вдруг вырвет. Одежду с нее не снимаю. На тумбочку ставлю стакан воды, а на пол – ведро.

Уже уходя, замечаю в мусорной корзине под столом яркую коробку – тест на беременность. Прежде чем достать его, оборачиваюсь проверить, не проснулась ли она. Выуживаю инструкцию и пластиковую кассету. Две полоски. Зажимаю рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Ноги подкашиваются, а в груди щемит, будто там что-то сломалось. Отдышавшись, возвращаю все на место и выхожу, оставляя дверь приоткрытой.

* * *

Следующие несколько дней живу на автопилоте. Стараюсь держать лицо на работе и дома, однако внутри все кипит. Хуже ничего и быть не могло. Даже если вынести за скобки ужасные обстоятельства – а они поистине ужасны! – Нина совершенно не готова стать матерью. Пытаться урезонить ее бессмысленно, потому что она слишком упряма и озлоблена на меня. Интересно, знает ли она, какой у нее срок? Рисковать я не могу, а значит, выход только один. Я должна все устроить самостоятельно.

Моя ненависть к мужу достигла новых высот. Хорошо, что он никогда не вернется, потому что Нина заслуживает лучшего. Надо просто дать ей это

понять.

Глава 9

Нина

В бассейне, кроме меня, почти никого. На соседней дорожке подросток послушно наматывает круги баттерфляем под неусыпным надзором отца. Тот следует за ним по бортику с секундомером и остервенело кричит что-то про «сборную» и «следующие Олимпийские игры», очевидно, сильно раздражая своего подопечного. Вообще-то, сын должен быть благодарен ему просто за то, что тот рядом. Вот меня отец бросил, и даже спустя столько лет горечь от этой утраты не становится меньше.

Я засовываю затычки в уши, отталкиваюсь от бортика и перехожу на брасс. Мне нравится плавать. Хожу сюда два-три раза в неделю перед работой, благо до библиотеки всего десять минут ходьбы. К лету хотелось бы проплывать дорожку пятьдесят раз без остановок. Цель, конечно, амбициозная, но я настойчивая.

Сегодня меня хватает лишь на девятнадцать с половиной раз. На середине бассейна выдыхаюсь и двадцатую часть завершаю на своих двоих. Сердце бешено колотится, легкие горят, однако боль приятная. К тому же никто не попрекнет меня упущенным шансом «попасть в сборную».

Снимаю очки и иду в душ. Потом забираю одежду из шкафчика, нахожу пустую кабинку, стягиваю черный купальник и разглядываю себя в зеркале. На его поверхности кто-то размашисто написал красным маркером «Уродина». Видимо, у меня не самая низкая самооценка, и это утешает.

В одной из книг по самосовершенствованию мне попался совет регулярно, каждую неделю, уделять время тому, чтобы пристально рассматривать свои родинки и морщины, целлюлит, пигментные пятна, рубцы, шишки и лишние волосы. Вероятно, автор считал, что осознание недостатков – обязательный шаг на пути к принятию собственного совершенства. Какая чушь! Уродство не лечится самовнушением.

Ощупываю мерзкие жировые складки на боках, подтягиваю грудь туда, где ей место. Мне еще и сорока нет, а она уже висит, как уши спаниеля. Страшно подумать, как я буду выглядеть лет через десять, если не возьмусь за свое тело…

Три месяца назад, когда я наконец решилась впервые за много лет взобраться на весы, они показали почти девяносто килограммов. Для роста метр шестьдесят многовато. Вес начал стремительно расти после заместительной гормональной терапии, которую мне назначили из-за исключительно ранней менопаузы, наступившей в двадцать лет. Недавно я убедила себя, что пора худеть, и благодаря здоровому питанию и спорту сбросила уже шесть кило.

Придвигаюсь к зеркалу и двумя пальцами оттягиваю нижнюю губу, чтобы прочесть татуировку на слизистой. О ней знаю только я да, возможно, мой дантист со своей ассистенткой, но они и словом ни разу не обмолвились. Набивал ее непрофессионал – контуры со временем расплылись, а краски потускнели.

Мне бы хотелось вспомнить его имя, но всякий раз, когда я пытаюсь представить лицо, стоявшее за иглой, там пустота. Собственно, как и в большинстве моих подростковых воспоминаний. Те годы упорно не хотят складываться в моей памяти в целостную картину, словно в пазле не хватает слишком большого числа деталей. Порой мне кажется, что половина моей жизни просто растворилась в небытии.

Похудев, я, к своему изумлению, стала все чаще задумываться о внешности и однажды даже пришла к Мэгги и попросила ее научить меня краситься, чем несказанно удивила. Конечно, я могла бы посмотреть обучающее видео на «Ютьюбе» или наведаться в косметический магазин и спросить совета у одной из густо намалеванных консультантш, но мне показалось правильным обратиться к маме. Возможно, чтобы наверстать то, что мы упустили, когда я была подростком.

– Если хочешь, могу показать тебе, как делать маникюр, – предложила она, и я согласилась. Сходила к себе за пилкой и позволила ей придать форму моим ногтям и покрасить их в нежно-розовый. На мгновение мы будто вернулись в прошлое и стали обычными мамой и дочкой, без лжи и хождений вокруг да около, – просто двумя женщинами, с упоением болтающими о косметике.

Только уходя, я поняла, что Мэгги припрятала пилку. Естественно, она сделала вид, будто ничего не произошло, но я быстро нашла пропажу у нее в наволочке. Бранить не стала – просто демонстративно погрозила пальцем, забрала свое от греха подальше, а потом в наказание унесла подушки.

За раздумьями и воспоминаниями не замечаю, как одеваюсь и выхожу на улицу. До начала работы еще полно времени, поэтому я выбираю длинный маршрут: мимо пожарной части, полицейского участка на площади Кэмпбелл и клуба «Роудмендер». Последний, кстати, насколько я знаю, как-то связан с моей юностью, вот только не помню, каким образом. Наверное, я ходила туда с друзьями на концерты. Правда, имена их тоже стерлись… Кроме одного – того, что все изменило. Я часто задаюсь вопросом, могут ли те навсегда забытые времена быть лучшими в моей жизни.

В библиотеке окунаюсь в привычную рутину. Помогаю седому мужчине составить резюме на компьютере. Пока он набирает текст одним пальцем и подслеповато щурится в экран, мимо нас проходит молодая женщина с малышом в коляске. Меня так и тянет к ним. Я подхожу и понимаю, что мамочка совсем юная, ей не больше пятнадцати. Боже, да она сама еще ребенок! Даже лоб весь в прыщах. Ее попытка замаскировать взрыв гормонов не увенчалась успехом: наивный макияж больше напоминает сахарную пудру на торте.

В коляске у нее маленькая девочка, одетая в джинсы и зеленую толстовку с героями из «Щенячьего патруля». В руках – кулек с конфетами. На щеках – следы белого шоколада. На лице – широкая доверчивая улыбка в два зуба, сверху и снизу. Она смотрит на меня огромными карими глазами и смеется. Я корчу ей рожицу, чтобы рассмешить еще больше.

Девочка выглядит чистой, упитанной и счастливой; судя по всему, ее мама, несмотря на юный возраст, отлично справляется со своими обязанностями. И от этого мне становится больно и обидно: вопреки всем трудностям, в отличие от меня, она сумела отстоять своего ребенка и, похоже, ни капли об этом не жалеет.

Увлеченная новой игрой, я как бы невзначай следую за этой парочкой к полкам с журналами. Мама останавливается и пролистывает свежие таблоиды со сплетнями о знаменитостях, которых я даже не знаю.

Мне нравится быть рядом с детьми – если они не совсем маленькие. Прошлым летом наша региональная начальница Сюзанна решила навестить библиотеку во время декрета вместе со своим грудничком. Он спал у нее в слинге. Если б я знала об этом заранее, взяла бы выходной. А так пришлось прятаться в туалете для инвалидов, пока они не ушли. Ворковать вместе со всеми над младенцем и терпеливо ждать своей очереди, чтобы подержать его и рассказать Сюзанне, какой он красивый, я просто не могла. Если б я взяла его на руки, то обратно уже не отпустила бы.

Вдруг малышка в коляске хлюпает носом и звонко чихает. Из ее ноздри вырывается огромная зеленая сопля и повисает над губой, как сталактит. Это и отвратительно, и смешно одновременно. Мамаша, увлекшись статьей о семействе Кардашьян, не замечает конфуза, поэтому я вынимаю из кармана бумажную салфетку и вытираю нос ее дочери. И тут она оборачивается, замечает меня и сердито вскрикивает:

– Что ты делаешь?

– Вытираю сопли.

– Отойди! – требует она. На нас начинают оглядываться другие посетители. – Не смей прикасаться к ней без моего разрешения.

Бормочу извинения, пораженная неожиданной агрессией. Мои щеки краснеют, я с трудом сдерживаю слезы. Она молча ждет, пока я отойду.

Делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Вместо стыда меня захлестывает злость. Кто позволил ей так со мной разговаривать? Она что, считает себя лучше остальных, раз родила? Если б она сама следила за своей дочерью, мне не пришлось бы вмешиваться. Тоже мне мать!

Шанс для мести не заставляет себя долго ждать: когда через несколько минут ребенок снова остается один, я беру с полки две первые попавшиеся книги и, убедившись, что никто не смотрит, подкладываю их в корзину под коляской.

Когда эта истеричка будет выходить, сработает сигнализация. В полицию ее, скорее всего, не потащат, но унижения она хлебнет по полной. Как я.

Глава 10

Мэгги

В спальне духота. Окна с тройным стеклопакетом запаяны намертво, так что единственный способ впустить свежий воздух – открыть дверь на лестничную площадку. Но сегодня это мало помогает.

Приходится достать со шкафа порядком запылившийся вентилятор. К сожалению, он годен лишь гонять воздух. Как оружие его не применишь: уже давно, при первой же возможности, я вскрыла защитный кожух, чтобы осмотреть лопасти. Они оказались пластиковыми. Половицы в комнате я тоже все проверила – гуляющих нет, а голыми руками гвозди из них не вытащишь.

Ставлю вентилятор на туалетный столик, втыкаю в розетку и направляю на себя. Пылинки, зависшие в воздухе, начинают кружиться, словно в танце. Я наблюдаю за ними и вдруг осознаю, что истинная причина моего беспокойства вовсе не духота, а шкатулка, оставленная Ниной. Вернее, те чувства, которые она во мне всколыхнула.

Совместный ужин сегодня прошел гладко. О шкатулке ни одна из нас даже не заикнулась. Интересно, кто сдастся первой. Появление этой вещи под моей кроватью явно не случайно – Нина никогда ничего не делает просто так, – однако спросить ее о целях выше моих сил. Придется читать между строк. Я пытаюсь собраться с духом, чтобы еще раз взглянуть на содержимое шкатулки – хотя бы просто открыть и тут же захлопнуть.

Подставляю лицо под струю прохладного воздуха. Попросить Нину убавить температуру отопления не получится – я видела, как около часа назад она вышла из дома. Раз в две недели, без привязки к определенному дню, она куда-то уходит, но никогда об этом не упоминает. Думаю, ей нравится хранить от меня этот маленький секрет, поэтому я и не спрашиваю. Когда Нина возвращается, я уже сплю.

Даже если б она была сейчас внизу, все равно меня не услышала бы, хоть кричи. Дверь и перегородка, отделяющие мой этаж от второго, надежно подогнаны, а стены оклеены картонными коробками из-под яиц. Снизу до меня еще ни разу не долетало ни звука. Думаю, и до нее не долетает. Если я не несу свой привычный дозор у окна, то узнаю? о прибытии Нины лишь когда она отпирает дверь на второй этаж и появляется на лестнице.

Стаскиваю блузку и остаюсь в бюстгальтере и юбке. Интересно, думала ли Нина, что я так легко приспособлюсь к заключению? Или ждала иной реакции? Вынужденное продолжительное одиночестве позволило мне многое узнать о себе. Оказалось, что потребности у меня весьма скромные и, к счастью, они полностью удовлетворяются. Доступных удовольствий осталось мало, но ценю я их гораздо больше, чем при нормальной жизни.

Нина уже успела лишить меня многих приятных мелочей, чтобы наказать за «проступки». Порой мне кажется, что больше у меня забирать уже нечего, но она умудряется раз за разом находить способ «преподать урок». Так я лишилась духов, лака для волос, транзистора, обуви, подушек, косметики и украшений – но ни разу не доставила ей удовольствия созерцать свое отчаяние, вызванное ее жестокостью. Хотя, возможно, все это давно кончилось бы, если б она увидела, что я сломалась. Вопрос лишь в том, каким был бы этот конец.

Снова возвращаюсь мыслями к шкатулке. Что там еще может быть, кроме теста на беременность двадцатипятилетней давности? Едва увидев его, я захлопнула крышку и засунула шкатулку обратно под кровать.

Неожиданно мое внимание привлекает тихое шуршание, доносящееся со стороны одной из тумбочек. Оборачиваюсь и с удивлением замечаю там очередной освежитель и пакетик с жевательным мармеладом, шелестящий в потоке воздуха от вентилятора. Должно быть, Нина принесла их вчера, когда я была в ванной. Никогда раньше она не давала мне сладостей, и я даже не думала, что так по ним соскучилась. С детским восторгом и нетерпением разрываю пакет, и его содержимое рассыпается по одеялу разноцветной радугой.

Я хватаю красную конфетку и уже открываю рот, чтобы насладиться давно забытым вкусом, однако в последний момент останавливаюсь. А не очередная ли это ловушка? Однажды Нина точно так же оставила мне стакан с клубнично-банановым смузи. На радостях я выпила все до последнего глотка, а к вечеру у

меня началась жуткая диарея. Видимо, дочка подмешала к напитку сильнодействующее слабительное. Что ею двигало, я до сих пор не понимаю.

Тем не менее, соблазн слишком велик. Я кладу мягкую конфету в рот и осторожно ощупываю ее языком: вдруг внутри канцелярская кнопка или осколок стекла. Возможная опасность нисколько не портит моего удовольствия, и я невольно расплываюсь в улыбке. Не исключено, что это просто новая, более изощренная пытка, и Нина решила напомнить мне, чего я лишена, чтобы сломать мою волю. Ничего не выйдет! Я давно смирилась со своей участью и оставила всякие попытки разгадать мотивы, движущие дочерью. Как правило, в ее поступках нет ни смысла, ни логики.

В первые два месяца я была уверена, что Нина наблюдает за каждым моим шагом. Под потолком комнаты висела маленькая черная коробка с линзой и крошечной лампочкой, которая то и дело вспыхивала красным. Я решила, что это камера, и буквально сходила с ума от одной мысли о том, что она наблюдает за моими страданиями и наслаждается ими. Дотянуться до этой адовой коробки я не могла – не позволяла цепь, и однажды в порыве отчаяния я запустила в нее кружку. Естественно, промахнулась. В наказание мне потом пришлось пить из пластиковых крышек от дезодоранта и лака для волос. И когда я уже почти смирилась с ее присутствием, коробка сама вдруг однажды упала со стены. Просто шлепнулась об пол и развалилась на части. И оказалось, что внутри ничего нет, кроме пары проводов и батарейки, от которой работала лампочка. То был муляж.

Тогда я еще изводила себя вопросами: сколько продлится мое заключение и правда ли, что Нина намерена держать меня здесь двадцать один год, как обещала. Сейчас мне шестьдесят восемь, и шанс дожить до восьмидесяти девяти крайне ничтожен, особенно учитывая скудную диету, отсутствие физической активности и замкнутый образ жизни без доступа к свежему воздуху и солнечному свету. Большой удачей будет протянуть еще хотя бы лет десять, не говоря уж о чем-то большем.

Естественно, я думала о самоубийстве – как об одном из способов прервать пытку. Но всякий раз меня останавливало то, что, кроме меня, у Нины никого не осталось. Как бы она меня ни мучила, я не могла бросить ее одну. Конечно, представься шанс, я сбежала бы отсюда. Сбежала бы – и первым делом оказала ей необходимую помощь, чтобы мы могли быть вместе на приемлемых для нас обеих условиях. Что бы ни вытворяла Нина, она всегда останется моей

маленькой девочкой.

К тому же в глубине души я понимаю, что заслужила это наказание, отняв у нее самое дорогое.

Глава 11

Мэгги

Двадцать пять лет назад

Сегодня понедельник. У Нины с раннего утра крутит живот. Я уже сообщила в школу, что она пропустит занятия, и отпросилась с работы, сказавшись больной.

Слоняюсь по дому и не нахожу себе места от тревоги, слыша, как она плачет за дверью ванной. Я не знаю, чем ей помочь. Тянет прижать ее к себе и пожалеть, утешить, успокоить. Не в силах больше ждать, я стучу, готовая услышать очередную порцию ставших привычными грубостей.

– Что с тобой, малышка?

– Мне больно, мама, – стонет она из-за двери.

Как бы я хотела забрать себе ее боль! Дергаю ручку, но она не подается.

– Открой, – прошу я.

За дверью раздаются слабые шаги. Когда Нина появляется на пороге, у меня замирает сердце. Хочется обнять ее и никогда больше не отпускать. Густая подводка, которой она теперь красит глаза, растеклась по всему лицу чернильным пятном. Трусы спущены, она держится за живот. Не помню, когда в последний раз я видела ее такой уязвимой.

– Моя малышка, – шепчу я, глотая слезы, и прижимаю ее к себе.

– Почему так больно? – стонет Нина. – Откуда столько крови?

Вдыхаю поглубже.

– Похоже на выкидыш.

Она смотрит на меня, потрясенная и напуганная тем, что я знаю о ее беременности. Зря я раскрылась. Тест, оставленный в мусорном ведре и попавшийся мне на глаза, был не криком о помощи, как я поначалу решила, а случайной оплошностью.

Я спешу уверить Нину, что не собираюсь читать нотации. Сейчас хочу лишь помочь. Беру ее за руку и веду обратно в туалет. Проходя мимо унитаза, заглядываю в него – и застываю от ужаса. Есть вещи, которые лучше не видеть, потому что забыть их потом невозможно. Я быстро нажимаю на слив – надеюсь, она туда не смотрела – и усаживаю Нину на сиденье.

Ее снова настигают судороги, лицо искажается от боли. Я осторожно кладу руку ей на лоб, как в детстве, когда проверяла температуру. Жар есть, но это нормально – один из побочных эффектов. Смачиваю полотенце холодной водой и промокаю ее лицо, будто ей снова пять лет, и она подхватила корь в школе, а год спустя – ветрянку. Помню, мы с Алистером по очереди сидели с ней, протирали ей кожу ромашковым лосьоном и следили, чтобы она не расчесывала гнойнички. Теперь ей четырнадцать, но для меня Нина все та же беззащитная маленькая девочка.

Гнетущая тишина между нами нарушается лишь ее рыданиями и стонами. Пока она корчится на унитазе, я глажу ее и целую в затылок, а природа берет свое. Помощь мне не нужна. Если позвоню в приемную, врач приедет на дом. Но это сейчас ни к чему. Я подвела мою девочку и теперь должна доказать самой себе, что могу быть хорошей матерью. Мы справимся. В последнее время Нина считала, что я ей ни к чему, однако сейчас все изменилось, и это единственное, что имеет значение. Больше я ее не подведу. «Теперь все будет по-другому», – твержу я себе.

Через час перебираемся в спальню. Оказавшись в кровати, Нина складывается, словно нежный лист для оригами. Накрываю ее одеялом и протягиваю две

таблетки обезболивающего со стаканом энергетика.

– Спасибо, – бормочет Нина.

Я уже и не помню, когда в последний раз слышала от нее слова благодарности, поэтому радуюсь даже такой мелочи. Впервые с тех пор, как исчез ее отец, я чувствую связь между нами. Не было, нет и не будет ничего в моей жизни, что я любила бы больше нее. И никакие ее поступки никогда это не изменят.

Впрочем, надо довести начатое до конца, пока у нее свежа память о том, что произошло с ее телом. Чтобы весь этот ужас никогда больше не повторился.

– Выслушай меня, пожалуйста, – начинаю я. – Это очень важно. Надо было давно тебе сказать, да я все никак не могла подобрать подходящего момента.

– О чем ты? Это про папу?

– И да и нет.

Нина впивается в меня воспаленным взглядом. Ее интересуют любые крохи информации о нем. Своим исчезновением и последующим молчанием он толкнул ее на путь саморазрушения – хотя я не отрицаю и своей вины.

– Ты знаешь, почему за все это время он прислал мне лишь одну открытку?

– Нет, извини, – привычно вру я. – Мне надо рассказать тебе совсем о другом – о том, что он носил внутри себя и передал тебе.

Я на секунду замолкаю, подбирая слова.

– Твой отец был носителем редкой генной мутации, вызывающей прозэнцефалию. Если дочь такого человека забеременеет, она, скорее всего, не сможет выносить ребенка. А если даже каким-то чудом родит, то очень пожалеет об этом.

Нина смотрит на меня с недоумением. Беру ее за руку и крепко сжимаю.

– У ребенка с этим синдромом будет много проблем. Слишком много.

– Каких?

– Обезображенное лицо, неразвитый мозг. Как правило, такие дети погибают еще до рождения. Думаю, именно это и случилось сегодня. Так что, возможно, все к лучшему. Твое тело поняло, что что-то идет не так, и отторгло плод. Было бы хуже проходить девять месяцев и родить нежизнеспособного младенца.

– Как… Откуда ты знаешь?

– Когда ты была маленькая, у твоего отца начались ужасные боли в области живота. После всевозможных анализов и обследований в больнице специалисты нашли у него хромосомную недостаточность. Которая может передаваться по наследству. Там нам и рассказали, что бывает с детьми, рожденными от таких матерей.

– Почему же я родилась здоровой?

– Это сложно… Все зависит от количества дефектных хромосом. Мы сдали твою кровь на анализ, и оказалось, что у тебя их много.

– Значит, я никогда не смогу родить нормального ребенка?

Я делаю паузу, а затем спокойно отвечаю:

– Боюсь, что нет.

Она подтягивает колени к груди и сжимается в комок. Моя малышка.

– Я хочу спать…

– Мне остаться?

– Нет, спасибо.

Я целую ее в лоб и, помедлив, выхожу из комнаты.

Спускаюсь вниз, на кухню. Надо отвлечься хотя бы на несколько минут. В раковине со вчерашнего дня лежит немытая посуда. Непорядок. Но, прежде чем перейти к привычным домашним делам, следует кое-что закончить. Достаю из сумочки пачку с лекарством. На коробке значится «Клозтерпан»[12 - Вымышленный препарат.], а внутри, в блистере не хватает трех таблеток. Кладу его в карман и спускаюсь в подвал.

Шаря под лестницей в сложенных друг на друга чемоданах, благодарю судьбу за то, что моя работа связана с медициной. Пока доктор Феллоуз был на вызове, я пробралась в его кабинет, стянула официальный бланк, написала нужный рецепт, поставила печать и подделала подпись – работая в приемной, я отлично ее изучила. В аптеке мне без проблем продали лекарство. Вчера вечером я растолкла таблетки ложкой и подмешала их в подливку для воскресного жаркого. Нина ничего не заметила.

Наблюдая за тем, как она ест, я мучилась сомнениями. В 1981 году я неожиданно забеременела и не смогла закончить курс и стать акушеркой. Судя по некоторым признакам, я понимала, что срок у нее гораздо больше, чем она думает.

Гортань жжет от едкой желчи, поднимающейся из желудка, я сглатываю.

«Ты все сделала правильно», – повторяю я самой себе.

Забрав у нее этого нерожденного ребенка, я дала ей гораздо больше.

Глава 12

Нина

По дороге домой в автобусе я слушаю Celebration, сборник хитов Мадонны. Когда мне было шесть лет, я брала кружевные салфетки, висящие на спинке дивана, цепляла их на голову, повязывала шнурки от ботинок на запястья и

представляла себя королевой поп-музыки. Папе не нравилось, когда его маленькая девочка распевала про то, что «чувствует себя девственницей»[13 - Песня Мадонны Like a Virgin.]. Но стоило ему начать сердиться, мы с мамой запевали Papa Don’t Preach[14 - «Папа, не читай нотаций» (англ.); другая песня Мадонны.], и он отступал. Эти воспоминания отзываются в моем сердце, и мне неудержимо хочется вернуться в те невинные времена хотя бы на мгновение.

Папа исчез из моей жизни больше четверти века назад, но я до сих пор сильно по нему тоскую. С годами многое померкло, и мне грустно от того, что я не могу вспомнить его голос. Мама выбросила все наши с ним фотографии, кроме одной, которую я спрятала у себя в сумочке.

С ней у меня связаны самые счастливые воспоминания. Ему тогда нужно было сделать фото для паспорта, и папа взял меня с собой в город. Я ждала его снаружи фотобудки, и когда дело дошло до четвертого, последнего кадра, он вдруг высунулся, схватил меня и втянул к себе. Я даже взвизгнула от неожиданности. Мы хохотали с ним как сумасшедшие и маме ничего не сказали. Это был наш секрет. Я очень дорожу этим кадром, потому что без него давно бы забыла папино лицо.

Из прошлого меня возвращает сигнал телефона. Уведомление от «Гугл». Внутри все холодеет: в нем может идти речь только об одном человеке, потому что только его имя я указала в настройках. Страх сковывает мое тело. Рывком стаскиваю наушники. Ноги выстукивают дробь по металлическому полу автобуса. Рука с телефоном прижимается к груди. Меня прошибает холодный пот, а к горлу подступает тошнота. Становится трудно дышать.

Проталкиваюсь через переполненный салон и выхожу через задние двери, не доехав до места три остановки. Нужно время, чтобы прийти в себя, прежде чем возвращаться домой и садиться за ужин с Мэгги. Не в силах больше длить муку, я открываю сообщение и принимаюсь читать прямо там, на обочине. «Певец-убийца умер», – говорится в заголовке. И ниже: «Осужденный за убийство Джон Хантер умер от лейкемии после 18 месяцев тяжелой борьбы».

Мимо едут машины и идут люди… я их не вижу. Тело мое в настоящем, но мысли – в прошлом. Я не смогла бы сдвинуться с места, даже если б захотела.

Помню эту фотографию Джона. Впервые она попалась мне на глаза, когда над ним шел суд, и ее опубликовали все газеты. Однако сделана она была намного раньше и совершенно не передавала его красоты. Он там какой-то хмурый, и любому, кто не был с ним хорошо знаком, кажется пустым и бездушным. К сожалению, многое стерлось из моей памяти, но я точно уверена, что он таким не был.

Неожиданно обрушиваются образы из прошлого. Они проплывают перед глазами словно кадры, висящие на веревке в фотоателье. Вот я сижу где-то дома, за спиной у меня Мэгги. Она подходит ближе и что-то тихо говорит – не могу разобрать слов. Едва появившись, картинка исчезает.

Пальцы сами тянутся к нижней губе и ощупывают татуировку, спрятанную во рту.

Глава 13

Нина

Двадцать пять лет назад

Джон идет по сцене всего в нескольких метрах от меня. Боже, какой он красивый – аж дыхание перехватывает! А когда резко поворачивает голову и пот с его длинных темных волос летит на мое лицо, я чуть не падаю в обморок. Его вкус у меня на губах. И я так счастлива, что готова умереть, потому что лучше уже быть не может.

Когда Джон достает микрофон из стойки и обнимает его двумя руками, я замечаю, что у него черный маникюр. Завтра сделаю себе такой же. Его губы почти касаются микрофона, и я представляю, как они тянутся ко мне, чтобы поцеловать. Он чуть ниже, чем другие участники группы, и худощав, но кажется, будто заполняет собой все пространство сцены. Кроме него, я никого не вижу.

Жар от раскаленной толпы в главном зале клуба «Роудмендер» оседает на потолке тяжелым конденсатом, который падает вниз, словно теплый дождь. В

середине песни Джон вставляет микрофон обратно в стойку и позволяет соло-гитаристу выйти в центр. Однако взгляды по-прежнему прикованы к нему: он стягивает футболку через голову, бросает ее в толпу и остается голым по пояс. Он великолепен. Ни один из моих парней не годится ему в подметки. С этого момента для меня существует только он, и я хочу быть с ним, чего бы мне это ни стоило.

Я люблю тебя, Джон Хантер.

Сэффрон скачет рядом со мной – визжит так, что можно оглохнуть, и сжимает мою руку, царапая ее ногтями. Я не жалуюсь и не виню ее. Как и все девушки в зале, она воображает, будто каждое слово, слетающее с прекрасных губ Джона Хантера, обращено именно к ней. И, как и все, ошибается. Потому что он будет моим. Взгляд его пронзительных серых глаз устремлен на меня. Это про меня он поет «Сумасшедшая девчонка». Он знает меня лучше, чем все остальные, а ведь мы с ним даже пока незнакомы. И если моя лучшая подруга или одна из этих истеричных сучек думают, что у них есть шанс, им стоит полечить голову.

Мы с Сэффрон следим за группой Джона, названной по его фамилии «Зе Хантерс», уже несколько месяцев, с тех пор, как ей на глаза попалась их фотография в местной газете. Музыкальный обозреватель поставил их альбому пять звезд из пяти и написал, что они – главное событие в жизни города со времен рок-группы «Баухауз», зажигавшей в восьмидесятые (я о таких и не слышала). Все уверены, что Джон со своими ребятами взорвут брит-поп. Думаю, их слава затмит даже «Оазис» и «Блёр». Потому что Джон – бог. И очень скоро он влюбится в меня не меньше, чем я в него.

Сэффрон приехала в клуб заранее, чтобы занять место в очереди и прорваться к сцене. С тех пор как папа от нас ушел, мама стала пить столько снотворного, что и слона вырубит. Однако пока она не уснет, мне приходится ждать, прежде чем выскользнуть через заднюю дверь из дома на свободу.

Мама постоянно думает об отце, хотя никогда его не упоминает и делает вид, будто ей все равно. Но порой, когда она подолгу молча смотрит в сад, что-то мне подсказывает: ее мысли занимает именно он. Мужчины не уходят из семьи, где есть дети, без причины. Значит, она настолько его довела, что у него просто не осталось выбора. Это она виновата, что он не зовет меня к себе и не отвечает на мои письма. С момента его ухода прошло семь месяцев, и за все это время я получила от него лишь одну поздравительную открытку, подписанную «С

любовью, папа». И ни письма, ни телефонного звонка – ничего. Я ненавижу ее за то, что она сделала. Это нечестно.

Она уверена, что между нами после выкидыша ничего не изменилось, и я не спешу ее разубеждать. Теперь, когда она больше мне доверяет, я могу делать, что хочу, не опасаясь ее гнева.

Отыграв на бис последнюю песню, Джон уходит со сцены. Я провожаю его взглядом, а внутри меня все дрожит – ведь, как только он исчезнет, мне останутся одни лишь бесплотные фантазии. И тут происходит чудо: дойдя до кулис, он вдруг оборачивается, ловит мой взгляд и посылает улыбку. Я улыбаюсь в ответ. Он кивает мне, словно приглашая следовать за собой.

– Нина, ты куда? – кричит мне вслед Сэффрон, когда я перемахиваю через барьер и запрыгиваю на сцену.

В зале зрители уже расходятся, а моя ночь в самом начале. Я чувствую это. Сердце выскакивает из груди. Сэффрон кричит что-то мне в спину. Я не отвечаю и не оборачиваюсь.

За сценой начинается коридор с белыми стенами, сплошь изрисованными граффити, текстами песен, именами и просто каракулями. Там полно народу, так что мне приходится то и дело уворачиваться от музыкантов, звукооператоров и служителей. Наконец я замечаю Джона. Он вытирается полотенцем и входит в гримерку. Ноги подкашиваются, но я следую за ним. Он оборачивается, осматривает меня с головы до ног, потом молча садится на ящик, вынимает две сигареты из красной пачки «Мальборо», прикуривает и протягивает одну мне.

– Как тебя зовут?

Кольцо дыма зависает у него над головой, как нимб. Мой святой.

– Нина.

Из-за волнения ответ звучит слишком тихо, приходится повторить громче:

– Нина.

– Приятно познакомиться, Нина-Нина. Я Джон.

– Знаю, – отвечаю я, делаю долгую затяжку и еле сдерживаюсь, чтобы не закашляться: это не первая моя сигарета, но сегодня я столько орала, что дым обжигает горло.

– Некисло, да? – говорит он.

Я киваю, опасаясь открыть рот. Не хватало еще выставить себя малолетней идиоткой.

– Туда набито кое-что особенное, – продолжает Джон с ухмылкой и со значением поднимает брови. Я не понимаю, о чем он, но все равно смеюсь. – Как тебе шоу?

– Потрясно, как всегда. Для меня это не первый раз.

– Надеюсь. – Он подмигивает, и теперь я понимаю намек. Только бы не покраснеть.

– Я хотела сказать, что уже слышала, как вы играете.

– Значит, фанатка? – Он ухмыляется. – Ты горяча…

От такого комплимента щеки мои мгновенно вспыхивают, и я ничего не могу с этим поделать.

– Спасибо. Ты тоже.

– Я это к тому, что у тебя вся футболка потная, – продолжает Джон (ну я и дура!). – Снимай!

Не задумываясь, я стаскиваю майку с влажной кожи и остаюсь перед ним в лифчике и джинсах. Обычно для уверенности мне надо выпить пару коктейлей, однако сейчас все иначе. Джон Хантер бросает мне свое полотенце, и я принимаюсь вытирать волосы. Когда он отворачивается, я тайком вдыхаю его запах, впитавшийся в ткань. Джон достает из рюкзака запасную футболку и протягивает мне. Я беру ее, но вместо того, чтобы надеть, просто стою и

пожираю его взглядом. Он улыбается и наконец делает то, о чем я так долго мечтала.

Глава 14

Мэгги

Судя по моим старым часам в виде кареты (теперь обосновавшимся на буфете в столовой), я уже десять минут сижу в одиночестве. Нина почти никогда не уходит так надолго, потому что не доверяет мне, и, откровенно говоря, у нее есть на это причины. Но с чего вдруг сегодня такие перемены?

Наклоняюсь и оттягиваю одной рукой металлический обруч, застегнутый на лодыжке, чтобы смазать натертые места антисептической мазью. В прошлом году дело дошло до абсцесса. Поначалу Нина игнорировала мои жалобы, а когда стало совсем худо, я предупредила ее, что, если начнется воспаление или заражение, придется либо вызывать врача, либо иметь дело с неизбежными и очень неприятными для нас обеих последствиями. К счастью, это возымело действие: она купила мазь и стала перестегивать обруч раз в неделю.

Время идет, Нина не появляется. Встаю и начинаю расхаживать по комнате. Ни разу за все время заточения она не оставляла меня здесь одну так надолго. Я даже немного беспокоюсь и хочу окликнуть ее, чтобы проверить, всё ли в порядке, но тут же одергиваю себя: когда еще выдастся такой шанс. Верх окна слегка приоткрыт, и я слышу пение птиц, доносящееся из сада. Похоже на трели черного дрозда. Я подхожу ближе в надежде рассмотреть певца и проверить свою догадку, но никого не вижу.

И вдруг меня осеняет: она оставила меня одну в комнате с открытым окном! Стекло разбить не получится – оно ударопрочное, это я знаю наверняка, потому что как-то в пылу спора запустила в него обеденную тарелку. Но запор-то открыт!

Первая моя мысль – встать на стул и во всю глотку звать на помощь через щель. Не годится: не успею я прокричать и пару слов, как Нина взлетит сюда и силой

утащит меня наверх. А вдруг это очередная проверка? Я научилась не доверять ее неожиданным «подаркам», будь то пачка мармелада или открытое окно. Взвесив все «за» и «против», я решаю не рисковать – ведь шанс, что меня услышат, слишком ничтожен. Если я хочу получить реальный результат, надо действовать умнее. Надеюсь только, что потом не придется пожалеть об упущенной возможности…

Я стою и смотрю в окно на темные облака, медленно затягивающие серое небо. Вечером жди грозы. Из сада снова доносится трель черного дрозда, напоминающая мне, как же давно я не слышала обыденного уличного шума. Лай собак, крики играющих детей, голос ди-джея по радио, ворчание автомобильного двигателя, шелест пластикового пакета, застрявшего в ветках, – все, что раньше я не замечала и считала самим собой разумеющимся.

В больнице меня вечно окружал назойливый шум: больные кашляли, младенцы орали, телефон трезвонил, коллеги хлопали дверцами шкафчиков, доставая карточки посетителей. Тишина была редкостью. Но мне нравилась эта работа, поэтому я и отдала ей тридцать два года. У меня всегда были теплые отношения с коллегами и с пациентами.

Надеюсь, они хоть иногда вспоминают обо мне добрым словом. Упрятав меня в заточение, Нина с нескрываемым удовольствием рассказывала, как сообщила всем в больнице, что у меня «сосудистая деменция» (или попросту слабоумие), развившаяся на фоне нескольких «внезапных микроинсультов». Она придумала легенду, что из-за необратимого повреждения мозга ей пришлось отправить меня в Девон на попечение к моей сестре Дженнифер, медсестре на пенсии. Любопытно, интересовался ли кто-нибудь после этого моей судьбой. Спрашивать у Нины бесполезно – все равно правду не скажет, а слышать издевательское «нет» из ее уст мне не хочется.

Наконец внизу на лестнице раздаются шаги. Я не двигаюсь с места и не оборачиваюсь, когда она открывает дверь. В отражении на стекле вижу, как, заметив меня у открытого окна, она судорожно окидывает взглядом комнату, видимо, пытаясь понять, не воспользовалась ли я ее оплошностью.

– Я ничего не сделала, – говорю я, поворачиваясь к ней, и вижу, что она колеблется, не зная, верить мне или нет.

Когда я сажусь на свое место, дочь передает мне тарелку и пластиковые приборы. Обычные, металлические, она перестала мне класть после того, как в начале заключения я проткнула вилкой ее руку. Однако и по сей день я считаю, что моей вины в том не было: из-за сильнодействующего успокоительного, которым она меня пичкала, чтобы держать под контролем, у меня начались галлюцинации, и я приняла ее за дикую собаку, пытающуюся перегрызть мне глотку. Пыталась объяснить, но вряд ли она мне поверила.

На ужин сегодня лазанья с двумя чесночными гренками. Хотя пахнет аппетитно, у меня непереносимость глютена, и Нина об этом знает. Если я съем все это, потом мне будет очень плохо. Увы, делать нечего – я слишком голодна, чтобы отказываться.

– Спасибо, – говорю я. – Давно такого не было.

Нина молча кивает, не утруждая себя даже обычными дежурными фразами. И музыку не включает. Ее явно что-то гнетет.

– Как дела в библиотеке?

– Как обычно.

– Были интересные посетители?

– Нет.

– Татуировка у Стива зажила? Как она тебе? Не такая дурацкая, как предыдущая?

– Не знаю. Не просила его показать.

Очевидно, мои расспросы ее раздражают, но поскольку других собеседников у меня не предвидится, продолжаю. Даже вялое общение лучше, чем никакого.

– Сегодня у нас на улице было целое представление. Жаль, ты не видела, – продолжаю я и рассказываю, как судебные приставы выкинули студентов вместе с пожитками из дома покойного мистера Стедмана. – А чего они ожидали?

Превратили участок в помойку. Родителям должно быть за них стыдно.

Нина откладывает приборы, встает и подходит ящику, где хранятся старые компакт-диски. Немного покопавшись, находит то, что ей нужно, и включает музыку. Раздается скрежещущий рев гитар и тяжелый грохот барабанов; солист не ведет мелодию, а скорее воет. Шведы из ABBA, хоть и вызывали не самые приятные воспоминания, все равно нравились мне гораздо больше.

– Кто это? – вежливо интересуюсь я.

Она искоса смотрит на меня и возвращается на место.

– «Зе Хантерс».

Я невольно вздыхаю.

– Ты их помнишь?

– Смутно, – вру я.

Интересно, сколько помнит она? Надеюсь, самую малость.

– Мы с Сэффрон ходили на все их концерты.

– Давно от тебя о ней не слышала, – поспешно откликаюсь я, хватаясь за любую возможность, чтобы перевести разговор в безопасное русло. – Как она? Общаетесь?

– Нет. Причем давно.

– Очень жаль. Она была твоей лучшей подругой.

– Ты ее ненавидела.

– Я полагала, что она плохо на тебя влияет. Сбивает с пути.

– Скорее было наоборот. – Нина чуть заметно ухмыляется, словно вспоминая о чем-то.

Я улыбаюсь ей в ответ, делая вид, что все понимаю, хотя это совсем не так. В тот период жизни она не посвящала меня в свои дела, и копаться в них сейчас я не хочу. Меня до сих пор бросает в дрожь даже от той малости, что стала мне известна.

– Меня ты тоже тогда ненавидела, да? – продолжает Нина. – Ну давай, признайся.

– Конечно, нет. Я не могу тебя ненавидеть, ведь ты моя дочь.

– Даже за то, что я держу тебя взаперти?

– Даже.

– Не верю.

Она пытается втянуть меня в схватку, в которой я не хочу участвовать.

– Ты – моя плоть и кровь. Мне не всегда нравится, как ты поступаешь, но это не умаляет моей любви.

Нина с хрустом разламывает гренок и смотрит на меня, слегка склонив голову. На долю секунды мне кажется, что мои слова растопили лед в ее сердце, и я снова вижу свою доченьку, а не тюремщицу. Как же я скучала по ней…

– А я тебя ненавижу, – бросает она.

Снова я приняла желаемое за действительное.

Следующие четыре песни мы молча едим.

– Ты не спросила, почему я выбрала этот диск, – замечает Нина.

– Наверное, тебе надоела ABBA.

– Помнишь солиста?

– Вряд ли… – снова лгу я, а перед глазами встает его тело, почти обнаженное, валяющееся с раскинутыми ногами на диване в подвальной квартире.

– Джон Хантер. Сегодня о нем писали в новостях.

При звуке его имени на меня накатывает тошнота. Чтобы не выдать себя, я набираю полный рот лазаньи. Всего минуту назад ее вкус казался мне восхитительным, а теперь приходится делать над собой усилие, чтобы не выплюнуть все обратно.

– Правда? – наконец произношу я.

– Да. Он умер.

Я перестаю жевать и потрясенно смотрю на нее. Надеюсь, она говорит правду. Хотя с нее станется…

– Из-за чего?

– Рак. Лейкемия. Мне пришло на телефон новостное уведомление. Умер в тюрьме, так и не признав свою вину.

– Все улики указывали на него.

– Ты же сказала, что ничего не помнишь.

– Я припоминаю ту криминальную историю. В общих чертах.

– А у меня в памяти из того времени почти ничего не осталось.

– Мозг – сложная штука. Что-то сохраняется на всю жизнь, что-то вытесняется за ненадобностью.

– Есть такой термин – подавленные воспоминания, – говорит Нина, следя за моей реакцией. Я стараюсь держать лицо. – Сознание блокирует их, потому что они слишком болезненны. Но не приняв их, нельзя освободиться от гнета прошлого.

– Вот как…

– Планирую пройти терапию, чтобы высвободить свои, – продолжает она, глядя на меня в упор, и я не выдерживаю – тяжело сглатываю, чем выдаю свой страх.

– Делай, как считаешь нужным, – говорю я, и это снова ложь.

Меньше всего на свете я хочу, чтобы она вспомнила те события. Ведь ни ей, ни мне добра это не принесет.

Глава 15

Нина

Уже поздно. В окна стучат дождь и ветер. Закрываю шторы и опускаю жалюзи, чтобы спрятаться от непогоды. Хотя я уже давно не ребенок, грозы меня пугают. А сегодня еще и эта новость…

Я до сих пор не прочитала ее из-за иррационального страха, что, если история обрастет подробностями, она материализуется, станет реальностью, пусть и давно ушедшей. Пока же это просто слова в интернете, где, как всем известно, полно лжи. Я закрываю глаза и пытаюсь убедить себя, что все это фейк. Не помогает.

Пока чищу зубы, на меня из зеркала пялится собственное отражение. Поддавшись внезапному порыву, отключаю щетку, не дожидаясь, когда истекут положенные три минуты, и выворачиваю нижнюю губу, чтобы снова, второй раз за неделю, осмотреть татуировку. Выцветшие буквы складываются в слово «Лолита». Джон обожал эту книгу Набокова и называл меня именем главной героини. Я даже пошла в библиотеку, чтобы ее взять. А прочитав, обрадовалась

– ведь герой был полностью порабощен любовью к этой девушке. И никто никогда не сможет убедить меня, что Джон не горел такой же сильной страстью ко мне.

Вслед за этим воспоминанием на поверхность всплывают еще несколько. Например, о той ночи, когда мне набили татуировку. Это произошло на домашней вечеринке. Джон очень хотел, чтобы у меня была метка, показывающая, как сильно я его люблю. Он предложил наколоть имя набоковской героини, потому что оно многое значило для нас обоих. И я охотно согласилась.

Мы пошли в ванную, я села на крышку унитаза, а друг Джона, тот, что должен был набить мне тату, начал раскладывать инструменты и баночки с индийскими чернилами. Больно не было – Джон дал мне таблетки, от которых тело вибрировало, словно покачиваясь на волнах в теплом океане под палящим солнцем. Когда все закончилось, его приятели хлопали меня по плечу и хвалили за смелость. Я хлебнула водки прямо из горла, чтобы смыть кисловатый привкус чернил и крови, и тогда в первый раз почувствовала боль. Драло ужасно. Поспешно сплюнув обжигающую жижу, я оттянула губу, прямо как сейчас, чтобы посмотреть, что получилось. Лицо Джона сияло гордостью. Я доказала свою преданность.

Позднее я попросила его набить себе имя моего любимого героя Эмили Бронте – Хитклиф[15 - Главный герой романа «Грозовой перевал» (1847), мрачный и неистовый человек.], но он лишь покачал головой и рассмеялся. На этом воспоминания заканчиваются. Как фотографии из прошлого, пыльные и пожелтевшие, они возникают из ниоткуда и исчезают в никуда.

Споласкиваю щетку, сажусь на край ванны и включаю телефон. Пора с этим заканчивать. Нажимаю ссылку и читаю: «Осужденный за убийство Джон Хантер умер от лейкемии после 18 месяцев тяжелой борьбы». И далее: «Сорокашестилетний Хантер был осужден и приговорен к пожизненному заключению 23 года назад за убийство своей подруги. Ее нашли…»

– Чушь! – шиплю я.

Одно упоминание этой дуры приводит меня в ярость. Дальше можно не читать – я знаю, что там будет старая ложь, которую не раз перепечатывали газеты.

Рядом с текстом две фотографии Джона. На одной из них он на сцене – такой, каким я его помню, одержимый и прекрасный. На другой, сделанной сокамерником и проданной журналистам, – седой бородатый мужчина с потухшими глазами. Очевидно, длительное заключение высасывает из человека жизнь. Я вижу, как что-то похожее происходит с Мэгги, а ведь она пробыла наверху не так уж и долго.

Не читая, прокручиваю статью вниз, пока не добираюсь до фотографии той самой девушки. Она сидит на пляже в синем купальнике, с зеркальными солнечными очками на кончике носа, и улыбается так, словно ей вообще на все наплевать. Вылитая я в молодости.

Прижимаю телефон к груди и изо всех сил пытаюсь ее вспомнить, но ничего не получается. Похоже, наши пути никогда не пересекались. Она не общалась с группой, не ходила на их концерты и вечеринки. И я точно знаю, что она не была подругой Джона, как писали в газетах, потому что в то время он встречался со мной. Любой из нашей компании подтвердил бы, что мы были безумно влюблены. Поэтому когда журналисты называют их парой, я дико злюсь.

Однако в голову закрадывается неприятная мысль: а может, я просто не хочу ее вспоминать? Может, у них все-таки были отношения, о которых я не знала, и она – недостающая часть пазла?..

Мотаю головой, чтобы прогнать бесплодные тревожащие подозрения.

– Нет, – говорю себе.

Это просто невозможно. И пусть память меня порой подводит, но я ведь не идиотка.

Джон не был моим первым сексуальным партнером, и я его, естественно, тоже, но он стал первым мужчиной, которого я по-настоящему полюбила. Первым и последним. Все годы после расставания с ним я живу без любви.

Он узнал, что мне четырнадцать, вскоре после нашей первой ночи. Ему было двадцать два, и, само собой, я врала, что уже совершеннолетняя. Но завистливая тварь Сэффрон выболтала правду, надеясь нас разлучить. Я задала ей тогда хорошую трепку. Однако, вопреки моим страхам, новость про мой

реальный возраст нисколько не испугала Джона. Напротив, он признался, что это еще больше его завело – запретный плод, как известно, сладок.

– Люблю зеленые бананы, – ухмыльнулся он.

И заставил пообещать, что я никому не расскажу о нас в школе, – нелегкая задача для девочки-подростка, которой повезло окрутить солиста самой популярной группы в городе. Но Джон предупредил, что, если правда всплывет, он все будет отрицать ради своей карьеры и тут же бросит меня. Риск слишком велик.

Тем не менее, когда мы с Джоном встречались после школы, он всегда ворчал, если я переодевалась в вокзальном туалете. Ему нравилась школьная форма. Полагаю, в наши дни такие отношения долго не продержались бы. Его мигом обвинили бы в педофилии и растлении малолетних. Но он был совсем не таким, я-то знаю. Он искренне меня любил, нежно обо мне заботился и хотел лишь добра. Он был для меня не только парнем, но лучшим другом и даже отцом. Больше я никого не подпускала к себе так близко.

Когда Джону предъявили ложные обвинения, разрушившие впоследствии его жизнь, я оказалась отрезана от него. И от собственной памяти. По вине Мэгги. Если б не ее злобное вмешательство, я смогла бы защитить любимого. Я сказала бы миру, что он не способен на те ужасные вещи, в которых его обвиняют. Именно из-за Мэгги он умер в тюрьме, не выполнив и малой доли того, что было предначертано ему судьбой. Она отняла у него половину жизни. Как и у меня. И то, что я не за решеткой, в отличие от него, ничего не меняет.

Несмотря на прошедшие годы, рана от этой утраты саднит так, словно мы с Джоном расстались лишь вчера. Я замечаю, что больше не прижимаю телефон к груди, а обнимаю живот. Нежно глажу его и вспоминаю свою вторую беременность, когда носила под сердцем ребенка Джона.

Глава 16

Мэгги

Разговор об этом мерзавце Хантере вывел меня из себя, и теперь я лежу в темноте и не могу уснуть. Перебираю складки на одеяле и вспоминаю издевательский смех, которым он встретил мою самоотверженную попытку втолковать ему, что к чему.

Известие о его смерти застало меня врасплох. Я не мстительный человек, но, надеюсь, она была долгой и мучительной. Какое облегчение – знать, что он наконец покинул землю, освободив нас от своего отравляющего присутствия! Больше он не причинит зла Нине. Никогда. Надеюсь, она избавится от воспоминаний о нем и вернется к нормальной жизни из того ада, который сама себе создала. Если, конечно, можно назвать нормальной жизнь, когда держишь родную мать на цепи, как циркового медведя.

Рассказывая мне сегодня о судьбе этого проходимца, Нина сверлила меня взглядом, стараясь разглядеть за тем нелепым спектаклем, который мне пришлось разыграть, как много я о нем помню.

К сожалению, я помню все. Сколько бы лет ни прошло с тех пор, память об этом ублюдке не увядает. Как ни странно, из нее практически стерлось его лицо. Но это мелочи, потому что я два десятилетия следила за его жалкой жизнью. Три недели подряд я приходила в Королевский суд, садилась на последний ряд галереи для публики и слушала его обвинителей, надеясь, что он не узнает меня в парике и с ярким макияжем. Если его взгляд, изучавший зрителей, и задерживался на мне, то не дольше, чем на других.

Несмотря на суровость обвинений, Хантер сохранял омерзительное высокомерие, которое выводило меня из себя при нашей стычке более года назад. Когда присяжные признали его виновным в убийстве, я еле сдержалась, чтобы не захлопать им. По моим щекам бежали слезы ликования. Наконец-то Нина в безопасности.

Когда Хантера вели в фургон, чтобы отправить в тюрьму в Дареме, фанаты и родственники протестовали против вынесенного приговора, а семья жертвы оплакивала погибшую сестру и дочь. Я чувствовала их боль. Он точно так же пытался отобрать у меня Нину, однако я вырвала ее из когтей хищника. Тем не менее, моя победа повлекла за собой чувство вины, мучающее меня уже двадцать три года.

Почему же я не могу вспомнить его лицо? Этот досадный пробел не дает мне покоя. Включаю светильник, делаю глубокий вдох и достаю из-под кровати шкатулку. Там точно есть то, что мне нужно: заметила, когда открывала в прошлый раз. Тогда мне не хотелось бередить прошлое; теперь время пришло. На выцветшем флаере Хантер стоит на сцене вместе со своей группой. Судя по дате, это одно из последних выступлений. Бледное лицо с тонкими алыми губами и пронзительным взглядом серых глаз тянет за собой цепочку тяжелых воспоминаний о том периоде, когда наши пути пересекались.

После приговора я следила за всеми апелляциями, которые подавали его адвокаты, и каждый раз с облегчением выдыхала, когда суд давал им от ворот поворот. Но узнав, что он отказался признать вину даже ради условно-досрочного, я немало удивилась. Остался верен себе, хотя на кону была свобода. Похоже, у этого слизня все же был хребет. Он умер в заключении; видимо, и мне уготована та же судьба. Такова горькая ирония: мы оба понесли наказание за одно и то же преступление – любовь к Нине.

Суд над Хантером проходил как раз в то время, когда она только начинала свой обратный путь ко мне. Я заботилась о ней и оберегала от любых травмирующих ситуаций почти два года, однако в конце концов она узнала правду. Помню наш тогдашний разговор.

– Почему ты не сказала о том, что случилось с Джоном Хантером? – осторожно спросила Нина за ужином, словно сомневалась, стоит ли вообще упоминать это имя.

– Потому что теперь он – часть твоего прошлого. Я не хотела тебя расстраивать.

Сделав над собой усилие, Нина заглянула мне в глаза.

– Я прочитала, в чем его обвиняют. Не могу поверить. Он не был жестоким и не мог так поступить.

– Порой мы думаем, что знаем человека, а на деле…

– Но я действительно знала Джона!

– Я тоже думала, что знаю твоего отца.

– Джон не мог убить.

Разговор начал мне надоедать. Я отложила столовые приборы.

– Полиция и присяжные с этим несогласны. К тому же, насколько я понимаю, Хантер крутил со многими. Я не виню этих бедняжек; я сама была бы на седьмом небе, если б на меня обратил внимание такой популярный певец. Но он жил со своей девушкой, а остальных просто обманывал. Пользовался ими.

Нина открыла рот, словно хотела возразить, однако передумала. Теперь она вообще во всем сомневалась. Последние несколько месяцев оставили в ее сознании глубокие шрамы – с такими сложно доверять собственным суждениям. А это значило, что я хорошо справилась со своей задачей…

Закрываю шкатулку и убираю ее под кровать. На сегодня достаточно. Выключаю свет и тупо смотрю в стену, по которой мечутся тени деревьев, подсвеченные уличными фонарями. Гроза, бушующая сегодня снаружи, – жалкое отражение тех бурь, что свирепствовали между нами, внутри этих стен. Хотела бы я знать, о чем сейчас думает Нина? Что помнит? Какие события ее память сохранила нетронутыми, а какие ей пришлось собирать по кускам, как лоскутное одеяло? Надеюсь, ее слова о намерении пойти к психотерапевту были пустой угрозой. Потому что, если она действительно это сделает, ей помогут сопоставить факты и восстановить прошлое. И тогда она не поверит, что все это я сделала лишь ради того, чтобы ее защитить.

Я крепче закрываю глаза, и лицо Хантера вновь исчезает. И пусть он уже мертв, я точно знаю, что сегодня ночью он, как обычно, воскреснет в моих снах. Он и его девушка.

Глава 17

Мэгги

Двадцать четыре года назад

Материнское сердце не обманешь. Чувствую: Нина что-то от меня скрывает, видимо, опасаясь моей реакции.

Мне сейчас и так непросто: я осталась единственным кормильцем. Расходов много, а тут еще фиксированную ставку по ипотеке заменили на плавающую, и ежемесячный платеж вырос. Но скорее ад замерзнет, чем я продам этот дом. Поэтому пришлось переступить через гордость и в свободное время пойти подрабатывать уборщицей. Как говорится, нужда заставит… На основной работе те коллеги, которые знали о моем положении, относились к этому с пониманием. Когда Лиззи выйдет на пенсию в следующем году, я подам заявление на должность заместителя директора по административной и хозяйственной части.

Из-за моей второй работы мы с Ниной почти не видимся. Она возвращается из школы в пустой дом, сама ужинает и к тому времени, когда я прихожу, уже запирается у себя наверху и делает уроки. Как ни печально, выбора нет.

Шагая к почте, я вдруг осознаю, что с момента выкидыша у Нины прошел почти год, а я до сих пор не могу оправиться. Нынешняя молодежь созревает гораздо быстрее, чем мы в свое время. Однако я не хочу превращаться в старую, ворчливую каргу и стараюсь идти в ногу со временем. Разрешаю гулять допоздна с друзьями и почти не ограничиваю перемещения. Не ругаю за алкоголь, лишь прошу не усердствовать. И еще заставила пообещать, что она больше не будет заниматься сексом пьяной и без презерватива. Конечно, Нина еще не готова к миру взрослых, но не запирать же ее на чердаке… Пока она не станет умнее, буду ее маяком в беспокойном море.

Наверное, я слишком стараюсь быть другом и забываю, что я мать. И все же мне важно, чтобы она впустила меня в свое сердце и перестала видеть во мне врага, который лишил ее отца и сказал, что у нее никогда не будет собственной семьи. Об этих словах, брошенных в момент, когда Нина была наиболее уязвимой, я жалею больше всего в жизни.

Надеюсь, мы пережили худшее из последствий ухода Алистера, но я реалистка и понимаю, что рецидивы возможны. Поэтому бдительно слежу, не врет ли она мне снова или не замышляет ли что-то крамольное.

Вчера вечером Нина вышла из ванной в огромном белом халате, который не носила уже несколько месяцев и вдруг вновь достала. Заметив меня в коридоре, она спустила рукава, и, естественно, моей первой мыслью было, что она прячет следы уколов. Затем я ее отмела: моя дочь не настолько глупа, чтобы колоться. Хотя это объяснило бы перепады настроения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Чарльз Гаддон Сперджен (1834–1892) – баптистский проповедник, оказавший значительное влияние на протестантское проповедничество в целом и заслуживший прозвище «властелин проповедников».

2

Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) – великий английский писатель, известный прежде всего своими фантастическими произведениями, в т. ч. дебютным романом «Машина времени» (1895).

3

Под томатно-грибным соусом с добавлением вина.

4

Сорт винограда и белого вина.

5

«Знает ли твоя мать?» (англ.)

6

Стебли определенного вида пальм.

7

Фраза, часто (безосновательно) приписываемая Вольтеру. Речь идет о знаменитом гневном письме Бронте критику и писателю Дж. Г. Льюису, состоящем из одной этой фразы.

8

Аннелиз Мария Франк (1929–1945) – еврейская девочка, скрывавшаяся с семьей от нацистов в Амстердаме в специально оборудованном убежище на территории

жилого дома и фиксировавшая тамошнюю жизнь в дневнике, опубликованном после Второй мировой войны.

9

Теренс Харди Уэйт (р. 1939) – английский гуманитарный миссионер и благотворитель, проведший 1987–1991 гг. в плену у исламских террористов.

10

Джон Пол Гетти-третий (1956–2011) – внук нефтяного магната Ж. П. Гетти, похищенный в 1973 г. с целью выкупа.

11

Нельсон Холилала Мандела (1918–2013) – южноафриканский политик, президент ЮАР в 1994–1995 гг., лауреат Нобелевской премии мира; 1962–1990 гг. провел в тюрьмах за борьбу против расистского режима апартеида.

12

Вымышленный препарат.

13

Песня Мадонны Like a Virgin.

14

«Папа, не читай нотаций» (англ.); другая песня Мадонны.

15

Главный герой романа «Грозовой перевал» (1847), мрачный и неистовый человек.

Купить: https://tellnovel.com/marrs_dzhon/t-ma-mezhdu-nami

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити